

Об А. В. Стороженко - см. примечания к его книге “Украинское движение” (изданной под псевдонимом А. Царинный).

Клубъ русскихъ Націоналистовъ въ Кіевѣ.

А. В. Стороженко.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ И СУЩНОСТЬ УКРАИНОФИЛЬСТВА.

К І Е В Ъ.

Тип. „С. В. Кульженко“, Пушкинск.. № 4.
1912.

200
387c

Происхожденіе и сущность украинофильства.

Докладъ собранію членовъ Клуба русскихъ націоналистовъ въ Кіевѣ, 17 ноября 1911 г.

Милостивыя Государыни и Милостивые Государи!

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мнѣ придется стоять преимущественно на исторической почвѣ, но въ настоящую минуту я прошу васъ оставить въ сторонѣ историческія области, забыть на время о судьбахъ, пережитыхъ отдѣльными вѣтвями русскаго народа, и обратиться къ молодой наукѣ о нарѣчіяхъ и говорахъ русскаго языка, къ такъ называемой русской діалектологіи. Эта наука располагаетъ громаднымъ матеріаломъ, который въ видѣ пѣсенъ, сказокъ, легендъ, пословицъ, поговорокъ, анекдотовъ и разговоровъ записанъ изъ народныхъ устъ, съ соблюденіемъ народнаго произношенія. Если мы обратимся къ ея даннымъ, то увидимъ, что на огромномъ пространствѣ Россіи—съ востока на западъ—отъ предѣловъ Великаго океана до австрійскихъ границъ, и отъ дальняго сѣвернаго Поморья до береговъ роскошнаго Крыма, въ городахъ говорятъ на русскомъ литературномъ языкѣ, но въ селахъ слышны самые разнообраз-

ные нарѣчія и говоры; и то же мы наблюдаемъ не только въ Россіи, но и въ Австріи: въ восточной Галиціи, Буковинѣ и Угорской Руси мы встрѣчаемъ рядъ говоровъ и поднарѣчій все того же основного языка, который господствуетъ по нашу сторону границы, между тѣмъ, какъ въ городахъ говорятъ по-польски и по-нѣмецки. При ближайшемъ разсмотрѣніи мы придемъ къ тому заключенію, что на всѣхъ этихъ пространствахъ живетъ единый русскій языкъ, и что діалектологія въ море его звуковыхъ мѣстныхъ особенностей вносить извѣстную классификацію лишь для удобства ихъ изученія. Діалектологія дѣлитъ всѣ нарѣчія, поднарѣчія и говоры на цѣлый рядъ группъ, изъ которыхъ главныя: великорусская, малорусская и бѣлорусская; но и эти основныя группы раздѣляются, въ свою очередь, на болѣе мелкія. Напр., великорусская группа подраздѣляется на поднарѣчія южно-великорусское и сѣверно-великорусское, затѣмъ сѣверно-великорусское на группы цокающую и не цокающую; есть сибирская группа. Нѣкоторые считаютъ, что бѣлорусская группа является только акающимъ и дзекающимъ поднарѣчіемъ южно-великорусской группы; въ ней также имѣются говоры цокающіе и не цокающіе. Подобнымъ же образомъ дѣлится и малорусская группа на сѣверно- и южно-малорусскія поднарѣчія. Существуютъ во множествѣ говоры смѣшанные и переходные отъ одной группы къ другой. Каждая почти отдѣльная мѣстность имѣетъ свой особый говоръ, отличается своимъ способомъ произношенія звуковъ. Особенно на западѣ встрѣчается даже по нѣскольку отличныхъ говоровъ въ одной губерніи: такъ, въ Могилевской

губерніи три говора, въ Минской три, въ Гродненской два и т. д. Это показываетъ, что существуетъ множество различныхъ оттѣнковъ въ выговорѣ звуковъ и словъ. Но во всемъ этомъ подавляющемъ разнообразіи замѣчается несомнѣнное единство; на громадномъ пространствѣ звучитъ единый русскій языкъ. Надо замѣтить, что появленіе новыхъ нарѣчій зависитъ часто отъ случайныхъ причинъ. Такъ, напримѣръ, на Дону замѣчено, что въ недавнее сравнительно время женщины стали шепелявить, а мужчины продолжаютъ говорить на великорусскомъ нарѣчій съ рязанскимъ оттѣнкомъ; это явленіе объясняется тѣмъ, что донскіе казаки долгое время проводятъ на военной службѣ, и въ отсутствіе мужской половины населенія образовалась среди женщинъ такая мода, что онѣ начали употреблять *жс* вмѣсто *з*, *шс* вм. *с*, *чс* вм. *ч* и наоборотъ. Записана, напримѣръ, такая фраза: *више мужья нажсидъ возжвратилишся* = уже мужья назадъ возвратились. И въ Сибири въ нѣкоторыхъ селахъ вмѣсто *з* пріучаются говорить *жс*, такъ что вмѣсто: зима получается *жсима*, вмѣсто: звѣрь — *жсвѣрь*. Такими случайными причинами обусловливается иногда разнообразіе въ выговорѣ или произношеніи словъ, но при всемъ этомъ громадномъ разнообразіи, повторяемъ, необходимо прійти къ заключенію, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ однимъ общимъ русскимъ языкомъ. Жители самыхъ отдаленныхъ одна отъ другой мѣстностей могутъ прекрасно понимать другъ друга. Въ Бѣлоруссіи и Малороссіи на говорахъ простого народа замѣтно сильное вліяніе польскаго языка вслѣдствіе многовѣкового подчиненія этихъ областей Польско-Литовскому государству.

Особенно пестрять полонизмами-словами нарѣчій бѣлорусскаго и малорусскаго; подъ польскимъ же воздѣйствіемъ появилось въ бѣлорусскомъ нарѣчій съ XVI в. дзеканіе.

Теперь ученые діалектологи распространяють свою любознательность все дальше въ глубь вѣковъ и стараются прійти къ какимъ нибудь выводамъ относительно древне-русскихъ нарѣчій въ X—XII в., на зарѣ русской исторической жизни. Когда подходятъ къ этому вопросу, то онъ представляется туманнымъ, такъ какъ никакихъ записей съ соблюденіемъ выговора отъ той отдаленной эпохи нѣтъ, потому что тѣхъ способовъ, которыми теперь располагають для записей, та эпоха не имѣла; а потому мы здѣсь входимъ какъ бы въ область гаданій. Но, однако, по общему закону развитія языковъ, чѣмъ дальше назадъ, тѣмъ нарѣчій все меньше и меньше, такъ какъ дифференціація въ языкѣ, т. е. различіе, разниа въ выговорѣ, развивается съ теченіемъ времени. При Владимірѣ и Ярославѣ тѣхъ различій въ языкѣ, какія теперь наблюдаются, не могло быть, или, по крайней мѣрѣ, по отдѣльнымъ мѣстностямъ эти различія были значительно слабѣе. Въ подтвержденіе того, что въ древности существовало болѣе полное единство русскаго языка, можно привести нѣсколько косвенныхъ доказательствъ, довольно убѣдительныхъ. Напримѣръ, въ древнихъ памятникахъ находимъ нѣкоторыя слова, которые теперь на югѣ не употребляются, но сохранились на сѣверѣ. Возьмемъ слово *олекъ*. Когда писали Русскую Правду, то употребили это слово въ значеніи: начинъ сотовъ. Между тѣмъ, какъ на югѣ это слово является совершенно неизвѣстнымъ и непонятнымъ, діалектологамъ уда-

лось записать его въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Костромской губерніи и въ Шуйскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи. Въ статьѣ „О борти“ сказано: „Оже (если) пчелы выдереть, 3 гривны продажи (пени, штрафа), а за медь оже будутъ пчелы не лажены (т. е. если не лазили по дереву къ борти забирать медь), то 10 кунъ; будетъ ли олекъ, то 5 кунъ“. Очевидно, это слово встрѣчалось въ древности и на югѣ, что подтверждаетъ тогдашнее единство русскаго языка.

Приведу еще фактъ, косвенно подтверждающій единство языка: записи Кіевскихъ былинь сдѣланы въ Олонецкой губерніи и на берегахъ р. Печоры. Здѣсь мы находимъ эпосъ, воспѣвающій дѣятельность Владиміра Святого и послѣдующихъ князей, образы которыхъ слились въ одинъ типъ князя Краснаго Солнышка, главнымъ образомъ, борьбу ихъ со степными кочевниками, печенѣгами и половцами. Есть многія отдѣльныя черты въ былинахъ, указывающія, что пѣвцы, сложившіе эти былины, находились въ Кіевѣ, при княжескомъ дворѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что корни нашихъ былинь тянутся въ ту именно эпоху Кіевской Руси, которая указывается господствующимъ въ былинахъ подборомъ именъ и географическихъ названій. Богатыри, которые въ былинахъ являются дѣйствующими лицами, тѣсно связаны съ Кіевомъ и югомъ. Такъ, Илья, яко-бы Муромецъ, родомъ былъ на самомъ дѣлѣ изъ Моровска, т. е. изъ села въ пынѣшнемъ Остерскомъ уѣздѣ, невдалекѣ отъ Кіева; только позднѣе—мѣсто рожденія Ильи Муромца было приурочено къ городу Мурому, Владимірской губерніи. Былины о немъ—обломокъ чернигово-сѣверскихъ эпическихъ ска-

заній. Другой былинный богатырь, Дюкъ Степановичъ,—родомъ изъ „краснаго Галича“. Весь образъ этого знатнаго щеголя указываетъ на ту славу, которою пользовалось въ средней приднѣпровской Руси XII—XIII в. богатое и сильное галицкое боярство. Такимъ образомъ, самый фактъ перенесенія былинъ съ юга на сѣверъ подтверждаетъ существованіе единого русскаго языка въ древности.

Общій литературный русскій языкъ образовался на тѣхъ же началахъ, какъ и культурные языки Западной Европы, гдѣ одно нарѣчіе получало преобладаніе и дѣлалось языкомъ науки и образованности; загѣмъ сюда примѣшивались областныя и мѣстныя особенности, и языкъ постепенно объединялъ весь народъ. Такъ было въ Германіи, гдѣ такое преобладаніе получило верхненѣмецкое нарѣчіе, во Франціи, гдѣ сѣверное нарѣчіе Иль-де-Франсъ подавило остальные, и въ Италіи, гдѣ господствующимъ стало тосканское нарѣчіе. Такая же эволюція произошла и съ русскимъ языкомъ. Послѣ вѣкового господства въ письменности церковно-славянскаго языка русскаго извода трудами М. В. Ломоносова московское нарѣчіе получило литературную обработку и, вобравши въ себя старыя церковно-славянскія и многіе областные элементы, сдѣлалось общедоступнымъ языкомъ, объединившимъ русскій народъ.

Но вотъ, лѣтъ 65—70 тому назадъ, появились люди, сначала въ маломъ числѣ, а послѣ въ болѣе значительномъ, которые стали утверждать, что русскій языкъ объединяетъ только одну сѣверную, великорусскую часть русскаго народа, что

это языкъ только „московскій“, что онъ не имѣетъ того общаго значенія, какъ языки западно-европейскіе, культурные, т. е. предназначенные для выраженія не обиходныхъ домашнихъ понятій, а идей религіозныхъ, государственныхъ, философскихъ и художественныхъ, что на югѣ и западѣ онъ непонятенъ, и что нужно составить новый литературный языкъ, который объединилъ бы юго-западную, малороссійскую часть русскаго народа, каковой будто бы недоступенъ существующій общерусскій языкъ. Это утвержденіе является на первый взглядъ дикимъ и какъ бы не имѣющимъ никакихъ основаній, но въ исторіи мы найдемъ объясненіе непонятнаго явленія.

Послѣ разцвѣта Кіевскаго государства во времена Владиміра и его ближайшихъ преемниковъ наступилъ въ государственной жизни Кіева упадокъ, и Кіевъ постепенно сталъ принижаться, получать второстепенное значеніе, а историческая жизнь отлила въ другія стороны: на сѣверо-востокъ, въ область суздальскую, и на юго-западъ — въ Галичъ и на Волынь. Но Кіевъ, всетаки, еще до начала XIII вѣка сохранялъ тѣнь своего былого величія, и князья боролись за Кіевскій столъ, желая воспользоваться положеніемъ Кіева, чтобы собрать русскій народъ. Это стремленіе не привело къ своей цѣли; между тѣмъ, Кіевъ подвергся монгольскому нашествію и былъ взятъ Батыемъ. Тутъ нужно отмѣтить еще одно обстоятельство, которое ухудшило положеніе Кіева. Кіевъ являлся важнымъ торговымъ центромъ и служилъ складомъ товаровъ, идущихъ сухимъ путемъ съ запада на востокъ. Венеціанцы, которые тогда также стремились овладѣть торговлей съ Востокомъ, завидо-

вали положенію Кіева, какъ торговаго соперника. Пользуясь близостью своей къ ханамъ и князьямъ монгольскимъ, венеціанцы настаивали на томъ, чтобы монголы расправились безпощадно съ Кіевомъ. И дѣйствительно, несмотря на то, что монголы не имѣли никакой религіозной ненависти и обыкновенно щадили въ покоряемыхъ странахъ храмы и духовенство, въ Кіевѣ они не давали никому и ничему никакой пощады и проявили безпримѣрную жестокость и исключительное озлобленіе. Послѣ паденія Кіева Русь разцѣпилась на восточную и западную половину, и по мѣрѣ того, какъ Кіевъ и его окрестности обращались въ полную пустыню, связь между западной и восточной Русью становилась все слабѣе. Юго-западная Русь попробовала было объединиться вокругъ трона галицко-волинскихъ князей, изъ которыхъ Романъ даже величается въ лѣтописи позднѣйшимъ московскимъ титуломъ „приснопамятнаго самодержца всея Руси“, но, подъ гнетомъ тяжелыхъ историческихъ условій, государство Данила Галицкаго не могло собрать около себя всѣхъ западно-русскихъ земель, и объединеніе ихъ совершилось уже подъ властью князей литовскихъ, которые мало по малу собрали всѣ западно-русскія земли около Вильны, и сами сдѣлались по вѣрѣ, языку и обычаямъ русскими, оставаясь литовскими только по имени. Впослѣдствіи дѣла сложились для западной Руси неудачно. Ягелло, женись на Ядвигѣ, принялъ католичество, а государство Литовско-Русское соединилось сначала личной, а потомъ и государственной уніей съ католической Польшей, и мало по малу слилось съ нею въ одно государственное тѣло Рѣчи-Посполитой, т. е. шляхетно-

польской республики. Когда, такимъ образомъ, объединились три національности: русская, литовская и польская, то изъ нихъ русская являлась наиболѣе культурной и образованной. Это объясняется тѣмъ, что русскіе уже четыре вѣка пользовались письменнымъ церковно-славянскимъ языкомъ, который былъ очень близокъ къ русскому и совершенно понятенъ для русскихъ; „а словѣнскъ языкъ и рускій одинъ“, по выраженію лѣтописи; русскіе имѣли на этомъ языкѣ, кромѣ богослужебныхъ книгъ и Священнаго Писанія, еще и богатую литературу, какъ самостоятельную (лѣтописи, житія св. Θεодосія Печерскаго, Бориса и Глѣба, слова Кирилла Туровскаго, Слово о полку Игоревѣ), такъ и переводную съ греческаго. Кромѣ того, древняя Русь вообще, и южная ея половина въ частности, были подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ Греціи, которая являлась самой образованной страной во всей Европѣ, до захвата греческаго царства западными крестоносцами. Такимъ образомъ, въ культурномъ отношеніи, русскіе преобладали и надъ литовцами, и надъ поляками. Поляки въ первые вѣка исторической жизни не имѣли родного языка, какъ культурнаго, каковымъ служилъ для нихъ латинскій языкъ, и потому духовное развитіе ихъ было задержано, и они отстали отъ русскихъ. Мертвая латынь пересыпалась, точно сухой горохъ, въ головахъ польскихъ грамотеевъ, не давая живыхъ ростковъ, по выраженію одного писателя. Поэтому положеніе, которое сначала заняли русскіе въ польско-литовскомъ государствѣ, было благопріятно; являясь наиболѣе культурнымъ элементомъ, они получили въ немъ наибольшее значеніе. Насколько русская культура была вы-

сока даже въ XV вѣкѣ, видно изъ такихъ фактовъ. Напримѣръ, когда Ягеллу понадобилось расписывать одинъ костель къ Люблинѣ, особенно дорогой для него, какъ основанный въ память побѣды его надъ крестоносцами, то оказалось, что найти живописца въ Польшѣ нельзя, и пришлось пригласить русскаго живописца. Этотъ русскій художникъ, Андрей, превосходными фресками расписалъ костель и оставилъ надпись, что работу онъ исполнилъ въ 1415 году, окончивъ ее въ день памяти св. Лаврентія, 10-го августа. Также въ Краковѣ была расписана фресками въ 1478 г. каплица кафедральнаго собора русскими художниками, по заказу польскаго короля Казимира и его жены Елисаветы. На стѣнѣ каплицы сохранилась кирилловская надпись, объясняющая происхожденіе фресокъ. Нельзя поэтому удивляться, что языкъ русскій сдѣлался государственнымъ языкомъ и языкомъ двора литовскихъ князей въ Вильнѣ; на немъ писали въ канцеляріяхъ оффиціальныя акты, грамоты, сдѣлки, договоры. Русскій языкъ имѣлъ также широкое распространеніе для письменныхъ сношеній въ общежитіи. Мало по малу, въ русскій языкъ стали проникать заимствованія изъ языковъ польскаго и даже чешскаго, такъ какъ, въ виду скудости тогдашней польской литературы, явилась потребность переводить интересныя произведенія богатой чешской литературы на чешскомъ языкѣ на русскій языкъ. Образовался типическій юго-западно-руссскій языкъ, на которомъ написаны такъ называемыя литовскія лѣтописи, статуты 1529, 1566 и 1588 г. и т. д.

Когда династія литовско-русскаго государства сдѣлалась и династіею польскою, то дворъ

стать опоячиваться, и уже съ начала XVI вѣка придворнымъ языкомъ дѣлается польскій; особенно сильное вліяніе на развитіе употребленія польскаго языка оказало реформаціонное движеніе. Реформація выдвинула на первый планъ вмѣсто латинскаго языка польскій. Духъ реформациі требовалъ широкаго общенія народныхъ массъ съ церковью и стремился, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы сдѣлать Священное Писаніе доступнымъ самымъ простымъ, малообразованнымъ людямъ. Съ этой цѣлью, какъ только появилась въ Польшѣ реформація, стали переводить Священное Писаніе и богослужебныя книги на польскій языкъ, чтобы сдѣлать религіозное ученіе доступнымъ для низшихъ слоевъ народа. Вмѣстѣ съ этимъ и свѣтская литература пошла по тому же направленію, и Польша получила нѣсколько крупныхъ писателей, изъ которыхъ самыми выдающимися являются Мартинъ Бѣльскій и Николай Рей — ревностные протестанты, которые создали литературный польскій языкъ; такъ какъ они были плодовиты и много писали, то оставили послѣдующимъ поколѣніямъ богатые образцы литературнаго языка. Послѣ того, какъ такой переворотъ совершился въ Польшѣ, въ западную Русь также проникла реформація; здѣсь, въ свою очередь, подъ вліяніемъ разныхъ реформаціонныхъ ученій, стало развиваться сильное религіозно-литературное движеніе. Повторяемъ, что старый церковно-славяно-русскій языкъ, на которомъ до тѣхъ поръ писали все сочиненія богословскія и литературныя, пересталъ удовлетворять тѣмъ новымъ понятіямъ, которыя пришли съ Запада въ эпоху реформаціоннаго движенія, и въ этотъ старый языкъ стали

вторгаться многіе чешскіе и польскіе слова и обороты, которые были лучше приспособлены для выраженія новыхъ понятій. Такимъ образомъ, уже въ половинѣ XVI вѣка образовалось весьма запутанное положеніе относительно языка. Оставался во всеобщемъ употребленіи старый церковно-славянскій языкъ русскаго извода. Затѣмъ, рядомъ съ этимъ языкомъ, образовался языкъ, нѣсколько ополоченный, съ значительной примѣсью польскихъ словъ и оборотовъ, отчасти и чешскихъ (при переводахъ съ чешскаго). Наконецъ, обнаружилось стремленіе пользоваться польскимъ языкомъ, какъ болѣе моднымъ, являющимся языкомъ двора и высшаго общества. Консервативные элементы остались преимущественно при старомъ церковно-славяно-русскомъ языкѣ, болѣе реформаціонно-настроенные люди стали пользоваться языкомъ смѣшаннаго польско-русскаго характера, и, наконецъ, нѣкоторые перешли къ польскому языку. На Волыни, въ одномъ уголкѣ, въ концѣ XVI вѣка можно уже наблюдать такія явленія. Въ 1580 — 81 г. князь Константинъ Константиновичъ Острожскій издастъ, съ помощью перво-печатника москвитянина Ивана Федорова, знаменитую Острожскую библію на языкѣ старомъ, церковно-славянскомъ, причемъ текстъ ея стоитъ близко къ старымъ спискамъ; только въ стихотворномъ посвященіи пестрятъ уже полонизмы: „и разгонялъ с короны (= изъ королевства польскаго) драпѣжныа (польск. *drapieżny* = хищный) волки“. Въ маломъ разстояніи отъ Острога, въ Хорошевѣ, сочиніанинъ Негалевскій переводитъ Новый Заветъ на простой, болѣе доступный западно-русскій языкъ съ польскаго перевода же сочиніанина Чеховича. Въ

1584 г., когда умеръ въ Вишневецѣ русскій князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій, тѣло котораго было доставлено для погребенія въ Кіево-Печерскую Лавру, и его семьѣ пожелалось почтить его память панегирикомъ, то не нашлось никого, кто могъ бы на русскомъ языкѣ сочинить хвалебное описаніе жизненныхъ трудовъ и подвиговъ русскаго князя („Epicedion albo wiersz żałobny“), и панегирикъ былъ написанъ въ с. Нижней Бѣлкѣ, Кременецкаго уѣзда, неизвѣстнымъ авторомъ польски. Такимъ образомъ, на самомъ близкомъ разстояніи вокругъ Острога, между 1580—1585 гг., пользуются тремя языками; изъ нихъ: одинъ—старый церковно-славяно-русскій, другой—новый западно-русскій языкъ, сближенный съ польскимъ, и, наконецъ, третій—прямо польскій. Такъ дѣло тянулось довольно долго, и отсутствіе общепризнаннаго языка въ западной Россіи, при содѣйствіи еще и другихъ историческихъ условій, повело къ тому, что русскія начала стали слабѣть, и высшія сословія стали пользоваться польскимъ языкомъ и для домашняго обихода, и для литературныхъ цѣлей. Около 1575 г. знаменитый князь Андрей Михайловичъ Курбскій, который бѣжалъ изъ Москвы и поселился въ окрестностяхъ Ковеля, въ своихъ письмахъ дважды обращаетъ вниманіе на это обстоятельство и внушаетъ своимъ корреспондентамъ не пользоваться польскимъ языкомъ—„польскою барбаріей“. Такъ, напримѣръ, онъ коритъ князя Константина Острожскаго, для котораго онъ сдѣлалъ съ языка латинскаго славяно-русскій переводъ бесѣды Іоанна Златоуста, за то, что этотъ переводъ „лѣпшаго ради выразумѣнія“ (для лучшаго пониманія) князь Острожскій далъ перело-

жить на польскій языкъ („на польщизну преложити“), очевидно, потому, что плохо понималъ языкъ Курбскаго. Князь Курбскій пишетъ, что еслибы онъ могъ предполагать поступокъ князя Острожскаго, то никогда не послалъ бы ему своего перевода. Эти примѣры показываютъ, что въ концѣ XVI вѣка въ западной Руси была большая шаткость относительно того, какимъ языкомъ слѣдуетъ пользоваться на письмѣ и въ книгѣ.

Когда явилась церковная унія, которая стала возможною только вслѣдствіе крайняго разстройства и упадка православной церкви, то разгорѣлась полемика между сторонниками стараго церковно-славянскаго языка и приверженцами языка польскаго относительно того, на какомъ языкѣ лучше молиться, читать Священное Писаніе, вообще выражать вѣроисповѣдныя убѣжденія; при спорахъ о преимуществахъ обрядовъ, православнаго или католическаго, вопросъ о языкѣ игралъ важную и даже, можно сказать, первостепенную роль. Когда православные переходили въ католицизмъ, то отстаивали польскій языкъ, остававшіеся же вѣрными православію боролись за старыи церковно-славяно-русскій языкъ. Одинъ православный писатель въ своей полемической статьѣ противъ іезуитовъ, 1607 года, выразился, что славянскій языкъ „истинною правдою Божіею основанъ, збудованъ и огороженъ есть: и ничто же другое ухищреніе въ себѣ не имѣетъ, только простоту и спасеніе рачителю славянскаго языка еднаетъ“. Когда явилась потребность уяснить, чѣмъ отличается этотъ, правдою Божіею огороженный, языкъ отъ другихъ, и подвести итоги его законамъ, то убѣдились, что нельзя обойтись безъ грамматики,—

что необходимо составить грамматику славянскаго языка, которая учила бы, какъ пользоваться этимъ языкомъ, и уяснила бы, почему онъ лучше того новаго языка, который образовался подъ польскимъ вліяніемъ. Первые два опыта грамматики: Виленская грамматика, изданная бр. Мамоничами (1586), и „Грамматика доброгоглаваго еллино-словенскаго языка“ Арсенія, митрополита Елассонскаго, 1591 г.,—были неудачны. Гораздо совершеннѣе и болѣе подходитъ къ типу школьнаго учебника „Грамматика словенска“ Лаврентія Зизанія (1596). Наконецъ, въ 1619 году была напечатана въ Евю, близъ Вильна, „Грамматика Славянская“ Мелетія Смотрицкаго, въ которой были изложены все правила пользованія церковно-славянскимъ языкомъ при изложеніи мыслей на основаніи тѣхъ книгъ, какія были въ распоряженіи Мелетія Смотрицкаго. Въ дальнѣйшемъ — часть русскихъ людей все болѣе склоняется къ употребленію польскаго языка, переходитъ въ унию и даже въ католицизмъ, какъ, напримѣръ, вся западно-русская знать; остальные же отстаиваютъ чистоту славяно-русскаго языка. Мысль тогдашнихъ ученыхъ съ напряженіемъ работала надъ матеріаломъ славянскимъ, чтобы извлечь все, что было возможно, для своего выраженія. Вспомнимъ хотя бы одинъ почтенный трудъ обрусѣлаго уроженца Молдавіи Памвы Берынды: „Лексиконъ славенороссійскій“, напечатанный въ Кіевѣ, въ типографіи Печерской Лавры, въ 1627 г. Изданія грамматики Смотрицкаго и словаря Берынды неоднократно повторялись. Мало по малу пришло къ тому, что возстановленный славяно-русскій языкъ сдѣлался общимъ языкомъ для всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя остались

вѣрными православію; кто же перешелъ въ католицизмъ, сталъ пользоваться польскимъ языкомъ.

Когда явился Петръ Могила на кафедрѣ Кіевской митрополіи, то онъ иначе взглянулъ на дѣло. Онъ считалъ, что православіе оттого такъ унало, и оттого явилась унія, а завоеванія католичества достигли такихъ успѣховъ, что среди русскихъ православныхъ людей нѣтъ настоящаго образованія. Это сознаніе заставило его озаботиться устройствомъ въ Кіевѣ въ 1631 г. Кіево-Печерской коллегіи, которая соединилась въ слѣдующемъ году съ Братскимъ училищемъ, а затѣмъ съ 1694 г. преобразовалась въ Академію; въ ней видное мѣсто получило преподаваніе польскаго языка, какъ такого, на которомъ лучше можно было усвоить тогдашнія научныя познанія. Но такъ какъ на почвѣ выбора языка давно уже происходила борьба, то не всѣ соглашались съ тѣмъ, будто для укрѣпленія православія нужно прибѣгать къ помощи польскаго языка. Поэтому обострились отношенія между Могилою и несогласными съ нимъ представителями православія, „неучеными попами и казаками“. Одинъ изъ сотрудниковъ Петра Могилы, наставникъ коллегіи, въ послѣдствіи бывшій митрополитомъ Кіевскимъ, Сильвестръ Коссовъ, писалъ: „Было такое время, что мы, исповѣдавшись, только и ждали, что вотъ начнутъ начинять нами желудки днѣпровскихъ осетровъ, или же того огнемъ, другого мечомъ отправятъ на тотъ свѣтъ“. „На что латинское и польское училище заводите?“ Отсюда видно, какъ враждебно относились къ преподаванію польскаго языка сторонники старины. Не взирая на это, Могила не только самъ писалъ по-польски, напри-

мѣръ, въ коллективномъ сочиненіи, озаглавленномъ „Ливось или Камень, выброшенный изъ пращи“, но понуждалъ къ этому и своихъ сотрудниковъ: Сильвестра Коссова, Аѳанасія Кальнофойскаго и др., такъ какъ находилъ болѣе удобнымъ отстаивать православную вѣру на языкѣ тогдашняго просвѣщеннаго общества. Но направленіе Петра Могилы имѣло и дурную сторону: подъ его вліяніемъ языкъ польскій сдѣлался въ Малой Россіи обиходнымъ, многія даже духовныя лица стали имъ пользоваться, и въ литературную рѣчь ученыхъ малороссовъ вновь усиленно врываются полонизмы. Одинъ изъ сотрудниковъ Петра Могилы, о. Игнатій Оксеновичъ-Старушичъ, произнося въ 1641 г. проповѣдь надъ гробомъ князя Іліи Святополкъ - Четвертинскаго, перемѣшиваетъ русскій языкъ съ польскимъ до того, что трудно опредѣлить, на какомъ, собственно, языкѣ произнесена была проповѣдь. Напримѣръ, встрѣчаются такія фразы: „Высоце славный богатырь нашъ, князь Ілія, будучи барзо лѣтъ молодыхъ, гдѣ слышалъ, ижъ казацкій ребелізанти Голядь, ласкою королевскою и волностю золотою утучоный, порвался, на власного своего пана руку подносячи, при иныхъ многихъ сердечныхъ милосникахъ отчизны, сынахъ коронныхъ, не фолгуючи лѣтамъ молодымъ, ани на члонки суптелностю квинтучои молодости укшталтованные намнѣй респектуючи, порвался съ одважнымъ анимушомъ молодымъ на застарѣлые въ бурдѣ и крнобрности казацкіе Голяды, на Курукови, на котрыхъ каркахъ первястки мужества своего досыть славне милой принеслъ и офѣровалъ отчизнѣ“. Однимъ словомъ, языкъ является чрезвычайно

смѣшаннымъ, съ обиліемъ польскихъ словъ. Такимъ образомъ, къ концу эпохи Петра Могилы, передъ возстаніемъ Хмельницкаго, въ западно-русскомъ литературномъ языкѣ польскія примѣси занимали большое мѣсто, и языкъ былъ сильно ими испорченъ. Какъ развивалось бы такое положеніе далѣе, трудно сказать; но когда наступила бурная эпоха казацкихъ войнъ, то всѣ обстоятельства нѣсколько измѣнились. Хмельницкій, наконецъ, пришелъ къ мысли, что другого исхода для юго-западной Руси, если она хочетъ остаться русскою, нѣтъ, какъ соединиться съ единовѣрнымъ и единокровнымъ русскимъ же государствомъ, сложившимся вокругъ Москвы. Къ сожалѣнію, первая попытка воссоединенія Руси окончилась неудачно: въ составъ Московскаго государства вошла только лѣвобережная Малороссія съ Кіевомъ и съ небольшою, окружающею его, территоріей. Въ этихъ предѣлахъ съ конца XVII вѣка началось уже движеніе къ постепенному сближенію западно-русскаго языка или, какъ его иногда называютъ, славяно-мало-русскаго языка съ языкомъ, на которомъ писали русскіе въ Москвѣ. Мы не будемъ, конечно, останавливаться на всѣхъ подробностяхъ этого движенія, которое привело къ тому, что выработался особый письменный и книжный языкъ, болѣе свободный отъ польскихъ примѣсей; на немъ стали писать въ канцеляріяхъ разныхъ учрежденій той части Малороссіи, которая осталась за Москвой; прекрасный образецъ его представляетъ лѣтопись, составленная канцеляристомъ генеральной войсковой канцеляріи Самуиломъ Величкомъ, который называлъ себя „истиннымъ Малыя Россіи сыномъ“, прославлялъ

Богдана Хмельницкаго, какъ второго Моисея, за то, что онъ освободилъ „козако-русскій“ народъ „отъ тяжкаго ига лядскаго“. Полонизмы пестрятъ еще его рѣчь, но русское сознаніе въ немъ уже сильно, и онъ стремится уйти и въ языкъ, и въ политическихъ взглядахъ какъ можно дальше отъ Польши. Послѣдующіе писатели (Ханенко, Марковичъ и др.), находясь въ постоянномъ общеніи съ Великороссіей, выучивались тамошнему произношенію и словоупотребленію, а затѣмъ и въ свой письменный языкъ вводили великорусскіе элементы. Такимъ образомъ, подготовлялось образованіе общерусскаго литературнаго языка, окончательную обработку которому далъ незабвенный М. В. Ломоносовъ. Въ теченіе всего XVIII вѣка главными дѣятелями русской литературы въ Петербургѣ и Москвѣ были люди, прибывшіе съ юга, изъ Малороссіи, каковы: Кириакъ Кондратовичъ, Несторъ Максимовичъ (Амбодикъ), Николай Бантышъ-Каменскій, Яковъ Козельскій, Ѳеодоръ Козельскій, Григорій Козицкій, Ѳеодоръ Эминъ, Василій Рубанъ, Платонъ Гамалѣя, Семенъ Гамалѣя, Петръ Симоновскій, Лука Сичкаревъ, Иванъ Хмельницкій, Павелъ Сохацкій и мн. др. Много сдѣлалъ для распространенія литературнаго русскаго языка въ Кіевѣ и среди малороссійскаго духовенства Кіевскій митрополитъ Самуиль Миславскій (р. 1731, † 1796), уроженецъ с. Полошекъ Глуховскаго уѣзда. Въ дальнѣйшемъ развитіи русской литературы видное мѣсто заняли авторъ „Душеньки“ Богдановичъ, авторъ „Ябеды“ Капнистъ, переводчикъ „Иліады“ Гнѣдичъ и авторъ „Россійскаго Жиль-Блаза“ и „Бурсака“ Нарѣжнѣй; всѣ четыре были уроженцами Полтавской губерніи;

этотъ рядъ писателей завершился великимъ Го-
големъ.

Малороссія при Хмельницкомъ только на са-
мое короткое время (1654—1667) была присоеди-
нена къ Великой Россіи въ полномъ своемъ объ-
емѣ, но затѣмъ это присоединеніе смѣнилось раз-
дѣломъ Малороссіи между Польскимъ и Москов-
скимъ государствами. Западная Малороссія по
Дибирь, за исключеніемъ Кіева, осталась за Поль-
шей. Здѣсь необходимо сказать нѣсколько словъ
о терминѣ Малая Россія или Малороссія. Послѣ
татарскаго погрома, когда Русь разрѣзана была
на двѣ половины, восточную и западную, широ-
кою полосою обращеннаго татарами въ пустыню
средняго Поднѣпровья, Константинопольскій пат-
ріархъ, оставшійся высшимъ духовнымъ главою
всей русской православной паствы, началъ назы-
вать въ своихъ грамотахъ Восточную Русь — Ве-
ликою, а Западную — Малою Россією, *Μικρὴ Ῥωσία*.
Терминъ этотъ изъ патріаршихъ грамотъ пере-
шелъ въ титулъ галицко-владимірскихъ князей,
и послѣдній изъ нихъ, Юрій II, величалъ себя
„Божією милостію прирожденнымъ княземъ всея
Малыя Россіи“. Позднѣе русскіе, попавшіе послѣ
Люблинской Уніи 1569 г. подъ владычество Поль-
ши, продолжали называть свое отечество, попреж-
нему, Малою Россією. Покойный М. А. Максимовичъ
собралъ цѣлый рядъ доказательствъ въ под-
твержденіе этого обстоятельства. Онъ стремился
„уничтожить навсегда“, по его выраженію, „не-
справедливый и нерусскій толкъ“, будто Кіевская
и вся западная Русь не называлась Россією до ея
присоединенія къ Руси восточной; будто и назва-
ніе Малой Россіи или Малороссіи придано Кіев-

ской Руси уже по соединеніи ея съ Русью Великою или Московскою. Напротивъ, во время ожесточеннѣйшей борьбы съ уніей и католичествомъ православные юго-западноруссы постоянно называли себя „благочестивыми христіанами Малыя Россіи“. Терминъ этотъ послѣ Переяславской рады вошелъ въ титулъ Русскаго Царя и оставался общеупотребительнымъ на лѣвомъ берегу Днѣпра до появленія украинофильскихъ лжеученій.

Но возвратимся къ судьбамъ западной Малороссіи. Здѣсь, благодаря настояніямъ Рима и усиліямъ іезуитовъ, унія усиливалась и все болѣе сближалась съ католичествомъ, а богословскія и нравоучительныя книги писались на западно-русскомъ языкѣ, который пропитывался польскими примѣсями. Народный говоръ также поддавался польскимъ вліяніямъ и впитывалъ въ себя полонизмы. Такимъ образомъ продолжалось дѣло до появленія русскихъ войскъ за Днѣпромъ для второго и третьяго раздѣла Польши. Когда раздѣлы совершились, и западно-русскія области, за исключеніемъ Галиціи и Буковины, соединились съ Россіей, то народный русскій языкъ здѣсь оказался въ самомъ жалкомъ положеніи. Разбитый на множество говоровъ, онъ считался языкомъ простымъ въ противоположность языку польскому, языку высшаго образованнаго общества. Одинъ уніатскій писатель конца XVIII в. выражается такъ: „Вѣдомо... же въ русской сей простой, въ Полцы звычайной и посполитой, бесѣдѣ, слова и способи ихъ выраженія суть рожніи и не всѣмъ еднаковіи: на Волиню иншіи, на Подолію и на Украинѣ иншіи, въ Полѣсѣю иншіи“. Народъ даже не сознавалъ, что онъ говоритъ по-русски, называя звою рѣчь „простою“. Если бы царствованіе

Екатерины Великой продолжалось дольше, то, можетъ быть, иначе пошло бы дѣло русское въ этомъ краѣ; но, послѣ кратковременнаго царствованія Павла I, покровительствовавшаго униі, наступило царствованіе Александра I и, благодаря ея дружескимъ отношеніямъ съ княземъ Чарторымъскимъ, все духовное развитіе и просвѣщеніе въ западной Руси было отдано въ польскія руки. Это поставило въ невыгодныя условія судьбу русскаго языка. Мы знаемъ, съ какими невѣроятными усиліями и трудами удалось отстоять основаніе въ 1811 г. русской гимназіи въ Кіевѣ; а дальше вся западная Русь была покрыта польскими учебными заведеніями съ Виленскимъ университетомъ во главѣ. Строго соблюдались завѣты Эдукаціонной Коммисіи. Когда, такимъ образомъ, утвердилось польское направленіе образованія, то въ числѣ учебныхъ заведеній, которыя поддерживались для ополечиванія Юго-Западнаго края, существовало, между прочимъ, въ Умани такъ называемое Базиліанское шести-классное училище, подчиненное сначала Украинскому отдѣлу (Wydział ukraiński) Эдукаціонной Коммисіи, а затѣмъ отданное въ вѣдомство Виленскаго университета. Здѣсь получали образованіе юноши преимущественно изъ мелкопомѣстныхъ дворянскихъ семействъ Кіевской губ. Въ этомъ училищѣ былъ очень хорошій составъ учителей, которые умѣли пріохотить юношество къ учебнымъ занятіямъ. Въ этомъ училищѣ зародилось то направленіе мыслей, которое въ послѣдствіи стало извѣстно подъ названіемъ ученія украинофиловъ. Послѣ того, какъ съ праваго берега Днѣпра русская жизнь отлила на лѣвый берегъ, послѣ того, какъ поляками изъ умовъ простого

западно-русского народа основательно было вы-
 травлено сознание о принадлежности его къ вели-
 кому русскому племени, забылось и то, что Ки-
 евщина, нынѣшняя Кіевская губернія,—не болѣе,
 какъ часть Малой Россіи. Кіевщину стали назы-
 вать Украиной, т. е. пограничьемъ, пограничной
 отъ Россіи страной (извѣстно, что слово *украина*
 и въ русскомъ, и въ польскомъ языкѣ издревле
 употреблялось въ значеніи пограничья). Мало по
 малу имя нарицательное обратилось въ собствен-
 ное. И до сихъ поръ въ польской книгѣ, въ поль-
 ской газетѣ, на польскихъ географическихъ кар-
 тахъ мы не найдемъ для Кіевской губерніи ино-
 го обозначенія, какъ „Украина“. Среди уманской
 молодежи сложились такія понятія, которыя были
 очень выгодны для Чарторыйскихъ и Чацкихъ:
 „На лѣвомъ де берегу Днѣпра Россія, и тамъ жи-
 веть русскій народъ, а здѣсь, на правомъ берегу,
 никакой Россіи нѣтъ, а есть—Украина, погранич-
 ная область Польскаго государства (хотя и не су-
 ществующаго, но продолжающаго жить въ меч-
 тахъ патріотовъ), и заселена она украинцами“.
 Такимъ образомъ, былъ формулированъ взглядъ,
 что нѣтъ единого русскаго народа. Въ предѣлахъ
 бывшей Польши живетъ народъ украинскій, одно
 изъ племенъ польскихъ, которое только по недо-
 разумѣнію считало себя русскимъ, а въ дѣйстви-
 тельности это вѣтвь польскаго народа, но только
 живущая на окраинѣ (украинѣ) польскаго міра.
 „Часть Польши, называемая Украиной“,—говоритъ
 вышедшій изъ Уманскаго училища Гоцинскій,—
 „выполнила неясно до сихъ поръ понятое и выра-
 женное предназначеніе въ общемъ предназначеніи
 народа; она имѣетъ свойственныя ей, ея исторіи,

духовныя черты, которыя рѣзко выдѣляютъ среди другихъ частей и ставятъ выше другихъ говоря коротко, тамъ очевиднѣйшимъ образомъ опочилъ духъ свободы польскаго простонародья тамъ онъ всего энергичнѣе проявилъ себя въ своей борьбѣ съ угнетеніемъ и увѣковѣчилъ кровавыми чертами какъ свои кривды, такъ и свой противъ нихъ протестъ... Казацкая жизнь Украины принесла доблестные подвиги въ сокровищницу отечественной славы и записала великолѣпнѣйшія страницы отечественной исторіи: даже въ своихъ жестокостяхъ она была историческимъ, осязательнымъ предостереженіемъ народу объ источникахъ его гибели; съ другой стороны — польскимъ, блестящимъ обликомъ исторіи она предвѣстала ту будущность, которая разовьетъ наше перерожденіе и въ которую духомъ мы уже входимъ“. Уманскіе пріятели Гоцинскій и Залескій, Грабовскій и Креховецкій, стояли за низверженіе монархіи, за республиканскій строй, за отмѣну крѣпостного права: возвеличивали добродѣтели простого народа, идеализировали старое днѣпровское казачество, сливали въ одно цѣлое его подвиги съ доблестью польскаго рыцарства.

Подъ вліяніемъ такихъ воззрѣній образовалась украинская школа польской литературы. Появился цѣлый рядъ писателей изъ бывшихъ воспитанниковъ уманскаго Базиліанскаго училища, которые стали заявлять, что они украинцы, хотя и пишутъ по-польски. Эта школа оставила замѣтный слѣдъ въ польскомъ умственномъ движеніи и дала нѣсколько выдающихся талантовъ, какъ упомянутые школьные товарищи Северинъ Гоцинскій, Богданъ Залескій, Михайлъ Грабовскій и др. Въ особенно-

сти Гощинскій¹⁾ и Залескій²⁾ отличались поэтическимъ вдохновеніемъ и заняли видное мѣсто на польскомъ Парнасѣ; они воспѣвали то природу Украины, ея воздухъ, небо, лѣса, степи, поля, луга и рѣки, то разныя событія ея исторіи, на примѣръ, возстаніе гайдамаковъ. Залескій говаривалъ, что струны его лиры: Богъ, свѣтъ, Славянство, Польша, Украина. У Залескаго любовь къ родинѣ выражалась иногда въ грустныхъ, трогательныхъ стихахъ; на примѣръ, въ рассказѣ о смерти отъ тоски по родинѣ дочери гетмана князя Ружинскаго („Smutna Krakowianka“):

I powtarzali długo potem ludzie:
„Nasz nie nawyknie do cudzego chleba,
Żyć i umierać u nas mu potrzeba;
I oto Pan Bóg zapowiedział w cudzie,
Że Ukrainiec nie na Ukrainie,
I wiek przepłacze swój, i marnie zginie“.

(Т. е. И долго потомъ повторяли люди: „Нашъ не привыкнетъ къ чужому хлѣбу; и жить, и умирать ему нужно у насъ; и вотъ Господь Богъ заповѣдалъ въ чудѣ, что украинецъ не на Украинѣ и вѣкъ свой проплачетъ, и напрасно сгинетъ“).

Одно изъ произведеній Гощинскаго: „Каневскій замокъ“ — полно крови, пролитой гайдамацкими руками, и огня отъ ихнихъ поджоговъ; оно родственно „Гайдамакамъ“ Шевченка.

Я познакомилъ васъ съ этимъ общественнымъ и литературнымъ движеніемъ, такъ какъ оно объяс-

¹⁾ Родился въ с. Ильинцахъ, Липовецкаго уѣзда, 4 ноября н. ст. 1801 г.

²⁾ Родился въ с. Богатыркѣ, Таращанскаго уѣзда, 2 февраля н. ст. 1802 г.

снять много в дальнѣйшемъ развитіи украинскаго филіальства.

Послѣ неудачи возстанія 1831 года, когда всякія даже мечты о возстановленіи польскаго государства стали несбыточными и безнадежными, это движеніе какъ бы сошло со сцены. Важнѣйшіе представители его, Гоцинскій и Залескій, навсегда покинули Россію и кончили свои дни въ эмиграціи. Но оно опять возродилось въ концѣ 1840-хъ годовъ въ Кіевѣ. Здѣсь собрался кружокъ молодыхъ людей, которые восприняли идеи, воодушевлявшія Гоцинскаго, Залескаго, Грабовскаго и др., а затѣмъ составили тайное общество подъ названіемъ Кирилло-Меѳодіевскаго братства для проведенія ихъ въ жизнь. Идеализація стараго днѣпровскаго казачества и республиканскія стремленія поляковъ передъ 1830 г.—цѣликомъ отразились на воззрѣніяхъ братчиковъ. Каждый славянскій народъ, въ томъ числѣ и украинскій, долженъ имѣть отдѣльное народное правленіе, составлять отдѣльную Рѣчь-Посполитую (республику), „не слито съ другими“, распоряжаться самостоятельно и независимо своими дѣлами,—такъ разсуждали братчики; во главѣ каждой республики долженъ стоять выборный „правитель“; крѣпостное право и всяческое порабощеніе низшихъ классовъ отмѣняются; всѣ граждане пользуются одинаковыми правами; сословныя преимущества упраздняются; въ республикахъ вводятся—свобода вѣры и личности, всеобщее обученіе, равное избирательное право, назначеніе чиновниковъ путемъ выборовъ и проч. Всѣ славянскія республики составляютъ федерацію, во главѣ которой стоятъ „славянское собраніе“ и выборный „правитель“.

федераціи. Такимъ образомъ, братство оказывается въ тѣснѣйшей духовной связи съ тѣмъ уманскимъ кружкомъ Гоцинскаго, Залескаго и Грабовскаго, о которомъ мы раньше говорили. Въ этомъ нѣтъ рѣшительно ничего удивительнаго. Главными руководителями братства были четыре лица: Гулакъ, Костомаровъ, Кулишъ и Шевченко. Всѣ они находились подъ значительными польскими вліяніями. Н. И. Гулакъ, сынъ предводителя дворянства Золотоношскаго уѣзда, во время ученія въ Дерптскомъ университетѣ былъ окруженъ студентами-поляками, наполнившими Дерптскій университетъ послѣ закрытія Виленскаго. Отъ общенія съ ними сталъ онъ смотрѣть на кievскую Малороссію, какъ на область не русскую, а украинскую, а затѣмъ распространилъ это понятіе и на свою родную Полтавщину. Славянскія мечтанія образовались у него подъ впечатлѣніемъ лекцій проф. Ганзена, излагавшаго идеи Гердера и изслѣдованія о славянскихъ древностяхъ Шафарика.

Слабѣ другихъ братчиковъ подчинялся польскимъ понятіямъ Н. И. Костомаровъ, уроженецъ Острогжскаго уѣзда, Воронежской губерніи, но общее теченіе мыслей кружка отражалось и на немъ. Къ тому же въ это время онъ собирался жениться на дѣвушкѣ изъ польской семьи, г-жѣ Крагельской.

П. А. Кулишъ, родомъ изъ Глуховскаго уѣзда Черниговской губерніи, въ молодости жилъ въ общеніи съ двумя учеными поляками: Свидзинскимъ и Грабовскимъ. Въ долгихъ бесѣдахъ съ этими людьми онъ воспринялъ тѣ ученія, какія были выработаны польско-украинскою литературною школою. Чтобы отмѣтить вліяніе Свидзинскаго, Ку-

лишь подписалъ подъ „Орысею“, самымъ раннимъ произведеніемъ своимъ на малорусскомъ нарѣчій: „писано въ Ходорковѣ у Свидзинскаго“.

Т. Г. Шевченко, живя еще во дворѣ помѣщика Энгельгардта въ Звенигородскомъ уѣздѣ, научился говорить и писать по-польски, въ Варшавѣ же, обучаясь живописи у портретиста Лампи, еще болѣе усовершенствовался въ этомъ языкѣ. Духовной пищей Шевченка въ ту юную пору его жизни была польская революціонная поэзія, предшествовавшая возстанію 1830 года; она навсегда оставила слѣдъ въ мятежной душѣ малорусскаго пѣвца. Его поэзія полна злобы и ненависти, остріе которыхъ направлено противъ Бога, Царя и Вѣликороссіи. Съ поляками въ ссылкѣ Шевченко особенно дружилъ. Сохранился доселѣ рисунокъ, изображающій Шевченка въ группѣ товарищей по ссылкѣ поляковъ. Къ одному изъ нихъ, Брониславу Залескому, онъ написалъ извѣстное четверостишіе:

Подай же руку козакови,
И сердце чыстее подай,
И знову именемъ Хрыстовымъ,
Возобновымъ нашъ давній рай.

Такимъ образомъ, воззрѣнія Кирилло - Меѳодіевскаго братства шли не изъ русскаго источника, а изъ польскаго. Члены его совершенно забыли, что цѣлые вѣка Малороссія боролась противъ Польши, чтобы отстоять свои русскія начала, чтобы имѣть право быть Малой Россіей, а не польскою Україною; они усвоили себѣ отъ поляковъ такое воззрѣніе, будто по обѣ стороны Днѣпра не русская, а иная народность живетъ, украинская, которая съ русскою народностью не имѣетъ ни-

чего общаго, а скорѣе можетъ быть причислена къ народу польскому. Позднѣе взгляды кружка на племенные отношенія между русскимъ югомъ и русскимъ сѣверомъ, въ нѣсколько смягченномъ видѣ, были изложены Костомаровымъ въ статьѣ: „Двѣ русскія народности“, гдѣ утверждается, будто единой русской народности нѣтъ, а есть двѣ народности: сѣверно-русская и южно-русская (или, по новѣйшей терминологіи, два народа: російскій и украинскій), хотя потомъ доказывается органическая необходимость союза и взаимодѣйствія обоихъ русскихъ племенъ. Кирилло-Меѳодіевское братство носило тайный характеръ, было конспиративнымъ кружкомъ; когда существованіе его сдѣлалось извѣстнымъ правительству, оно отнеслось къ членамъ этого кружка, какъ къ заговорщикамъ, и разослало ихъ по отдаленнымъ городамъ; только Шевченко былъ отданъ въ солдаты. Въ позднѣйшее время послѣдователи „украинской“ идеи, какъ увидимъ дальше, организовались въ видѣ тайной политической партіи.

Когда въ концѣ 1850-хъ годовъ бывшіе члены Кирилло-Меѳодіевскаго братства были возвращены изъ ссылки, то они появились въ Петербургѣ и начали издавать журналъ „Основа“, причемъ руководящія роли играли П. А. Кулишъ, В. М. Бѣлозерскій и Н. И. Костомаровъ. Журналъ сталъ на почву идей братства, но, по цензурнымъ условіямъ, не могъ выступить съ опредѣленною политическою программой, а ограничился печатаніемъ литературныхъ произведеній на малорусскомъ нарѣчій, да подборомъ доказательствъ того взгляда, что малорусскій народъ имѣетъ право на развитіе отдѣльной отъ народа великорусскаго куль-

туры. Излюбленный братчиками федеративный принцип государственного устройства былъ освѣщенъ Костомаровымъ въ примѣненіи къ древней Руси въ статьѣ: „Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси“. Сначала „украинское“ сепаратистическое движеніе сосредоточилось въ Петербургѣ, но потомъ оно перешло въ провинцію, гдѣ образовалось нѣсколько такъ называемыхъ „громадъ“, — тайныхъ кружковъ, которые продолжали разрабатывать мечты братства о демократическомъ и федеративномъ устройствѣ государственной жизни у славянскихъ племенъ, и въ частности у народа „украинскаго“. Такіе кружки образовались въ Кіевѣ, Полтавѣ, Харьковѣ и Одессѣ. Въ Полтавѣ главнымъ дѣятелемъ явился старый братчикъ, преподаватель кадетскаго корпуса, Д. П. Пильчиковъ. Онъ старался распространять свои демократическія идеи среди полтавской молодежи. Его довольно важная роль въ исторіи украинофильства заключается въ томъ, что онъ явился главнымъ инициаторомъ устройства въ Галиціи Общества (товариства) имени Шевченка. Въ Полтавѣ Пильчиковъ привлекъ къ своему дѣлу богатую даму, Елисавету Ивановну Милорадовичъ, которая охотно занималась благотворительностью, увлекалась демократизмомъ и попала подъ вліяніе Пильчикова и нѣкоторыхъ его пріятелей (Стронина, Конисскаго и др.). Хотя она не была посвящена во всѣ подробности дѣла, и хотя самъ Пильчиковъ относился къ ней довольно пренебрежительно, какъ къ кошельку, откуда можно черпать средства, но она дала въ распоряженіе Пильчикова весьма значительную сумму денегъ (9.000 гульденовъ), которую Д. П. Пильчиковъ отвезъ въ 1873 г. во

Львовъ, гдѣ и основалъ, съ помощью пожертвованія г-жи Милорадовичъ, Общество имени Шевченка, которое сыграло (и играетъ и теперь) очень большую роль въ исторіи украинскаго движенія.

Въ кievской „Старой Громадѣ“, въ половинѣ 1870-хъ годовъ, наиболѣе выдающимися людьми были историки, доценты университета, М. П. Драгомановъ (полтавецъ) и В. Б. Антоновичъ (полякъ), и этнографъ П. П. Чубинскій (полтавецъ), одаренный поэтическимъ талантомъ, авторъ „украинскаго“ гимна: „Ще не вмерла Украина“, написаннаго по образцу польскаго гимна: „Jeszcze Polska nie zginęła“. Ихъ стараніями открытъ былъ въ Кіевѣ Юго-Западный отдѣлъ Русскаго Географическаго общества, въ составъ котораго вошли почти всѣ члены „Старой Громады“. По мысли П. П. Чубинскаго, подъ его руководствомъ, организована была этнографическо-статистическая экспедиція въ Юго-Западный край и Полтавскую губернію для собиранія памятниковъ устнаго народнаго творчества: пѣсенъ, сказокъ, преданій, пословицъ, свадебныхъ и похоронныхъ обрядовъ и проч. Собранные матеріалы были въ послѣдствіи изданы (III, IV и V томы — подъ редакцій Н. И. Костомарова) на средства Географическаго общества.

М. П. Драгомановъ и В. Б. Антоновичъ работали, между тѣмъ, политическую сторону украинофильскаго движенія; они стремились облечь мечтанія Кирилло-Меѳодіевскаго братства въ формы новѣйшихъ соціально-политическихъ ученій. Драгомановъ, какъ говоритъ его біографъ, „приходилъ къ украинству, исходя изъ созданныхъ европей-

ской цивилизаціей общечеловѣческихъ идеаловъ, въ частности изъ принциповъ политическаго радикализма и демократизма“. Говоря проще, М. П. Драгоманова гораздо меньше интересовалъ вопросъ, на какомъ языкѣ будутъ говорить и писать въ Малороссіи, нежели вопросъ о томъ, какими путями достичь того идеальнаго строя, какой ему грезился послѣ разрушенія всего современнаго государственнаго и общественнаго порядка вещей. Строй этотъ представлялся ему въ такомъ видѣ: „Община должна быть союзомъ вольныхъ людей. Дойти до того, чтобы союзы людей, какъ большіе, такъ и малые, состояли изъ такихъ свободныхъ людей, которые добровольно сошлись для общей работы и взаимной помощи, — это и есть та цѣль, къ которой стремятся люди, и которая не имѣетъ ничего общаго съ современными государствами, каково бы ни было ихъ устройство, являются ли они представительными, или не представительными. Эта цѣль называется анархіей (безначальствомъ); она состоитъ въ свободѣ каждаго человѣка и въ свободной ассоціаціи или союзѣ людей и общинъ“. Ближайшею цѣлью онъ ставилъ: „добиваться отмѣны царскаго и бюрократическаго самовластія, которыя, несомнѣнно, будутъ замѣнены представительнымъ правительствомъ, т. е. конституціоннымъ строемъ“. Тогда удобнѣе будетъ заниматься пропагандой социаль-демократическихъ идей. Практичнѣе всего вести пропаганду на „украинскомъ“ языкѣ. Каждый искренній демократъ и радикалъ, работающій на Украинѣ и среди украинскаго народа, долженъ становиться украинцемъ.

В. Б. Антоновичъ создалъ особую историко-

философскую теорію, которая должна была объяснить, почему дѣятелямъ украинства слѣдуетъ придерживаться наиболѣе демократическихъ, республиканскихъ воззрѣній. Теорія эта, покоящаяся на мысли московскихъ славянофиловъ, что каждому народу присуща одна какая нибудь своя государственная форма быта,—вѣроятно, не будетъ принята наукою, но она интересна, какъ образецъ модныхъ одно время воззрѣній. „Если мы начнемъ присматриваться“, говорить онъ въ одномъ сочиненіи,—„къ исторіи разныхъ народовъ, то замѣтимъ, что каждый народъ въ своемъ политическомъ быту проявляетъ свойственную ему руководящую идею, которая находится въ зависимости частью отъ причинъ антропологическихъ, расовыхъ, частью отъ разныхъ условій и вліяній, создаваемыхъ занятою народомъ территоріею, его прошлою жизнью и историческою культурою. Руководящая идея народа можетъ шире всего и лучше всего проявиться во время самостоятельной политической жизни народа. Если мы пристальнѣе присмотримся къ тѣмъ двумъ народамъ, которые живутъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ народомъ украинскимъ, то въ ихъ политическомъ стремленіи и общественномъ устройствѣ мы ясно увидимъ руководящую идею каждого изъ нихъ. Относительно великорусскаго народа мы видимъ, что его руководящую идею составляетъ принципъ авторитета государственной власти, которую великорусскій народъ уважалъ настолько, что всегда отрекался въ пользу ея отъ всѣхъ личныхъ свободъ. Эта идея отвѣчаетъ основнымъ инстинктамъ народа, потому что она требуетъ одной главы, которая, никого не спрашивая и не обращая ни на

кого вниманія, самодержавно управляетъ всѣмъ обществомъ. Поэтому, безошибочно можно утверждать, что у великорусскаго народа руководящею идеею всегда было Самодержавіе. Съ помощью послѣдняго этотъ народъ былъ въ состояніи организовать прочное государство и подчинить себѣ другіе народы, даже такіе, которые имѣли со-всѣмъ иныя руководящія идеи. Второй народъ, польскій, пошелъ инымъ путемъ: онъ выдѣлилъ изъ себя привилегированное сословіе и далъ ему возможность все общественное богатство забрать на свои надобности и обратить его въ свою пользу. Тутъ руководящею идеею является уже принципъ аристократизма. Однако, Польша не превратилась въ такую олигархію, какою была, напри-мѣръ, венеціанская республика въ средніе вѣка; она является образцомъ демократической аристократіи, хотя на первый взглядъ это и кажется страннымъ. Украинскому народу, который сидѣлъ посрединѣ между народами польскимъ и великорусскимъ, пришлось по сердцу третій принципъ — принципъ вѣчевой, принципъ широкаго демократизма и признанія за каждою человѣческою личностью равныхъ для всѣхъ политическихъ правъ. Украинскому народу никогда не пришлось цѣликомъ и вполнѣ проявить свою руководящую идею; ему случалось только инстинктивно къ ней стремиться: въ древности, во времена княжескія, въ строѣ вѣчевомъ, общинномъ и приходскомъ съ выборнымъ духовенствомъ; спустя нѣкоторое время—въ судебномъ строѣ такъ называемыхъ копныхъ судовъ: наконецъ, эта руководящая идея очень рельефно выразилась въ казачествѣ, и еще отчетливѣе, въ смыслѣ проведенія ея въ жизнь, — въ Сѣчи Запорожской“.

Далѣе авторъ этой исторической философіи разсуждаетъ, что легче всего осуществить въ дѣйствительности идею Самодержавія, труднѣе — идею аристократизма и, наконецъ, всего труднѣе — демократическую идею. „Для того“ — говоритъ В. Б. Антоновичъ, — „чтобы принципъ демократизма приобрести преобладающую силу и мощность, необходимо, чтобы масса общества достигла высокой ступени культурнаго развитія и искренно убѣдилась въ правдивости идеи; отъ людей всѣхъ слоевъ общества требуются великія личныя жертвы въ пользу общества. При низкой ступени культуры, когда личная выгода отдѣльныхъ людей беретъ верхъ надъ общественными интересами, демократія не можетъ развиваться и одержать побѣду“. Руководящая демократическая идея украинскаго народа не могла осуществиться въ эпоху Хмельницкаго, по мнѣнію его, вслѣдствіе слабаго культурнаго развитія народныхъ массъ. Глубоко убѣжденный въ существованіи особаго „украинскаго“ народа, В. Б. Антоновичъ завѣщаетъ своимъ послѣдователямъ работать надъ развитіемъ его національной культуры и вѣрить, что съ поднятіемъ культурнаго уровня низшихъ слоевъ народа осуществится и его руководящая идея — принципъ широкаго демократизма.

В. Б. Антоновичъ, какъ полякъ, совершенно не имѣлъ русскаго національнаго чувства, и, на примѣръ, вся исторія возвышенія Москвы, повѣдающая къ собиранію и сплоченію въ одно цѣлое разрозненныхъ частей русскаго народа, была ему глубоко ненавистна. Напротивъ, такъ называемая Ягеллонская идея, идея федераціи, соединенія на началахъ свободы и равноправія, трехъ полити-

ческихъ тѣхъ: Польши, Литвы и Руси, всегда его привлекала. Вопросъ о созданіи въ Малороссіи второго языка культуры и образованности, вмѣсто общерусскаго, параллельно съ демократизаціей ея строя, не имѣлъ ни для М. П. Драгоманова, ни для В. Б. Антоновича первенствующаго значенія. Оба охотно ссылались на примѣръ Ирландіи, гдѣ идетъ горячая борьба съ Англіей за политическую автономію и за демократическія начала, хотя все населеніе Ирландіи говоритъ по-англійски. При этомъ упускалась изъ виду религіозная рознь: ирландцы исповѣдуютъ католицизмъ, тогда какъ англичане — ярые противники римской церкви; между тѣмъ Малороссія и Великороссія — единовѣрны.

Бывая въ Галиціи, еще до окончательнаго выѣзда своего изъ Россіи въ качествѣ эмигранта, М. П. Драгомановъ привлекъ къ своимъ воззрѣніямъ двухъ молодыхъ людей: Ивана Франка и Михаила Павлика, которые не только приняли аграрно-соціалистическую программу Драгоманова, но и прониклись убѣжденіемъ, что работа для народа и въ его интересахъ можетъ вестись только на народномъ языкѣ, т. е. въ Галиціи на мѣстномъ малорусскомъ нарѣчці. Священникъ Качала проповѣдовалъ было бороться съ этимъ направленіемъ, враждебнымъ религіи и основамъ общества. Но М. П. Драгомановъ подбилъ 45 членовъ кіевской „Громады“ подписать протестъ противъ дѣйствій Качалы; въ немъ члены „Громады“ заявляли, что не могутъ имѣть ничего общаго въ политическомъ отношеніи ни съ галицкими „москалями“, ни съ сторонниками Качалы, ибо основами украинской политики являются только: раціонализмъ въ куль-

турѣ, федерализмъ въ политикѣ и демократизмъ въ общественныхъ дѣлахъ. Воззваніе кіевлянъ оказало значительное вліяніе на укрѣпленіе партіи Франка и Павлика.

Когда въ 1876 г. воспрещено было печатаніе и изданіе въ Имперіи оригинальныхъ произведеній и переводовъ на малорусскомъ нарѣччі, за исключеніемъ историческихъ документовъ и произведеній изящной словесности, когда былъ закрытъ Юго-Западный отдѣлъ Географическаго общества и, такимъ образомъ, уничтоженъ былъ центръ, около котораго сосредоточились „украинскіе“ дѣятели, то явилась мысль, нельзя ли перенести всю „украинскую“ политическую и культурную дѣятельность на почву Галиціи, гдѣ, благодаря стараніямъ Д. П. Пильчикова, образовалось Общество имени Шевченка. Мало по малу, такъ и устроилось. Съ 1885 г. Общество имени Шевченка взяло на себя изданіе еженедѣльной литературной газеты „Зоря“, въ которой стали появляться беллетристическія произведенія писавшихъ по-малорусски кіевлянъ, полтавцевъ, черниговцевъ и т. д. Для ученыхъ, писавшихъ по-малорусски, организована была въ Обществѣ имени Шевченка научная работа. Средства для издательской дѣятельности доставлялись изъ Россіи.

Извѣстно, что съ устройствомъ въ Австріи представительныхъ учрежденій поляки заняли важное и вліятельное положеніе въ конституціонной жизни Австрійской имперіи, что на нихъ часто опиралось австрійское правительство въ парламентскихъ затрудненіяхъ, и что польскіе аристократы получили большое вліяніе при австрійскомъ дворѣ; Галиціи предоставлена была почти полная автономія, но съ

передачей власти въ автономныхъ присутственныхъ мѣстахъ въ руки поляковъ; изъ ихъ среды назначается и императорскій намѣстникъ. По мѣрѣ того, какъ въ Галиціи развивалась политическая жизнь, образовалось среди русскихъ нѣсколько идейныхъ теченій, которыя сгруппировались около двухъ партій. Такъ называемая „русская народная“ партія исповѣдуетъ, на основаніи науки, дѣйствительной жизни и глубокаго убѣжденія, національное и культурное единство всего русскаго народа, а посему признаетъ своими плоды тысячелѣтней культурной работы всего русскаго народа. Она твердо убѣждена въ необходимости для русскаго населенія Австріи образованія и развитія безъ разрыва связи съ традиціонными основами русскаго народа и вѣритъ, что только на культурно-исторической почвѣ лежатъ пути къ развитію и возвышенію австро-русскихъ областей. Эту партію поляки и „украинцы“ называютъ иначе „москвофильской“ или „москалефильской“. Вторая партія, „укаинофильская“, иначе „народовецкая“ или „радикальная“, была основана, какъ мы упомянули раньше, Иваномъ Франкомъ и Михайломъ Павликомъ, подъ вліяніемъ М. П. Драгоманова. Она стремилась осуществить идею развитія всего малорусскаго племени отдѣльно отъ прочаго русскаго міра, и притомъ на самыхъ крайнихъ соціалъ-демократическихъ началахъ. Главнымъ образомъ, она боролась съ клерикализмомъ и вообще съ преобладаніемъ духовенства въ народной жизни Галиціи. Изъ непримиримой ненависти къ Россіи и ко всему русскому правящіе поляки согласны были бы поддерживать вторую партію, но ея соціалистическія крайности, а въ особенности стремленіе

къ отчужденію земли въ пользу крестьянъ, пугали ихъ: большая часть правящихъ поляковъ принадлежала къ числу крупныхъ землевладѣльцевъ. Тутъ выступилъ на сцену В. Б. Антоновичъ. Онъ раздѣлялъ убѣжденіе кievской „Громады“, что самое широкое развитіе народной жизни въ Галиціи лежитъ въ интересахъ „украинскаго“ дѣла. Такъ какъ условія этого развитія находятся въ тѣснѣйшей зависимости отъ того положенія, какое займетъ по отношенію къ нему австрійская правительственная власть, переданная въ Галиціи въ руки польскихъ консерваторовъ, то надлежитъ же стремиться къ соглашенію именно съ консервативными кругами. Вслѣдствіе того, что В. Б. Антоновичъ имѣлъ связи среди польской аристократіи Юго-Западнаго края, ему, черезъ ея посредство, удалось войти въ соприкосновеніе съ правящими сферами Галиціи, и въ частности съ графомъ Бадени. Начались переговоры, которые должны были привести къ заключенію формальнаго соглашенія между галиційскими властями и „укаинофильской“ партіей. Для подготовки почвы возобновлена была газета „Правда“ (1887), редакцію которой взялъ на себя Александръ Барвинскій. Газета высказывалась за примиреніе съ поляками, подъ которыми подразумѣвала, главнымъ образомъ, польскихъ магнатовъ, проводила австрійскіе взгляды, распространяла идею „украинскаго“ націонализма и являлась изданіемъ рѣзко-враждебнымъ Россіи. Подготовляемое въ величайшей тайнѣ соглашеніе было, наконецъ, обнародовано въ 1889 г. въ галиційскомъ сеймѣ, въ программной рѣчи Юліана Романчука. „Украинцы“ отказывались отъ общественно-политическаго радика-

лизма, но зато получали рядъ уступокъ культурнаго и экономического характера. Въ томъ числѣ открывалась кафедра исторіи Восточной Европы съ преподаваніемъ на „украинскомъ“ языкѣ. Кандидатомъ на эту кафедру былъ предложенъ В. Б. Антоновичемъ его ученикъ, сынъ извѣстнаго педагога, автора разошедшагося по Россіи въ миллионѣхъ экземпляровъ учебника: „Первая учебная книга церковно-славянскаго языка“. С. Θ. Грушевскаго, магистръ русской исторіи М. С. Грушевскій, который въ 1894 г. появился во Львовѣ, чтобы начать новую эру въ развитіи украинифильства; онъ сдѣлался императорско-королевскимъ профессоромъ Львовскаго университета.

Основавшись во Львовѣ, проф. Грушевскій началъ съ того, что разорвалъ отношенія съ поляками, хотя попалъ на кафедру, благодаря ихъ настояніямъ передъ австрійскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, и сталъ вести съ ними самую ожесточенную борьбу.

Затѣмъ проф. Грушевскій отбросилъ всякія колебанія относительно названій, какія исторически образовались для разныхъ частей западной и южной Руси: Угорская Русь, Буковина, Галиція или Червонная Русь, Холмщина, Подлясье, Черная Русь, Волынь, Подолье, Кіевская Украина, Лѣвобережная Малороссія, Слободская Украина, Кубань, Черноморье; онъ отвергъ ихъ все и замѣнилъ однимъ, наиболѣе неподходящимъ: „Украина“, слѣдуя въ этомъ польскому обычаю, установившемуся твердо только съ конца XVIII вѣка, съ появленія въ свѣтъ историко-этнографическихъ сочиненій графа Яна Потоцкаго и съ учрежденія комиссіи „Эдукаціи Народовой“. „Украину“ онъ раздѣлитъ на Россійскую и Австрійскую; народъ, населяющій эти ко-

ренныя русскія области, онъ называлъ „украинскимъ“. „Необходимо“,—по словамъ проф. Грушевскаго, —„чтобы галицкій верховинець (горець) и херсонскій степовикъ (степнякъ), Буковинець и Закарпатовець, Кубанецъ и Холмцакъ, Угорскій Русинъ и Слобожанинъ одинаково чувствовали себя членами и гражданами единой украинской земли, и въ несхожихъ обитателяхъ различныхъ частей Украины видѣли своихъ земляковъ, членовъ одной націи, одного народа“. Съ начала XX вѣка вездѣ и на каждой страницѣ украинофильскихъ печатныхъ органовъ заестрѣли тысячи словъ: „Украина“, „украинскій“; водворилась „украинская“ мода.

Далѣе проф. Грушевскій окончательно рѣшилъ вопросъ о языкѣ въ томъ смыслѣ, что общерусскій языкъ, какъ органъ государственной жизни, суда, школы, науки, литературы и высшей образованности, яко-бы непонятенъ и не годится для западныхъ и южныхъ поселеній русскаго народа, и что поскорѣе нужно выковать для вновь изобрѣтеннаго „украинскаго“ народа новый также „украинскій“ языкъ. Раньше малорусское нарѣчіе обрабатывалось литературно только въ поэзіи, преимущественно лирической и юмористической, въ народной драмѣ, въ повѣстяхъ и разсказахъ изъ простонароднаго быта, да въ предназначенныхъ для простонародья поучительныхъ брошюрахъ. Попытки П. А. Кулиша писать на этомъ нарѣчій исторію не получили широкаго развитія. Планъ построенія новаго искусственнаго языка заключался, во-первыхъ, въ томъ, чтобы изгнать изъ обихода весь тотъ церковно-славяно-русскій лексическій, словарный матеріалъ, который соста-

влияетъ важнѣйшую часть словооборота историческаго общерусскаго языка, созданнаго трудами и усиленіями столько же русскихъ сѣверянъ, сколько и южанъ, и замѣнить его матеріаломъ польскимъ, съ соблюденіемъ, гдѣ нужно, правилъ русскаго словопроизношенія (просодіи); какъ будто рѣшено было возвратиться къ языку проповѣди о. Игнатія Оксеновича-Старушича, образецъ котораго мы приводили выше: вотъ нѣсколько первыхъ попавшихся примѣровъ изъ писаній проф. Грушевскаго: вм. движеніе — рухъ (*ruch*), вм. искусство — штука (*sztuka*), вм. начало — початокъ (*początek*), вм. желаніе — жаданье (*żądanie*), вм. убѣжденіе — переконанье (*przekonanie*), вм. исключеніе — вылученье (*wyłączenie*), вм. вопросъ — пытанье (*pytanie*), вм. примѣръ — прикладъ (*przykład*), вм. выдержка — вытривалисть (*wytrwałość*), вм. источникъ — жерело (*źródło*), вм. вѣтвь — галузя (*gałąź*), вм. тяжесть — тягаръ (*ciężar*), вм. соединить — злучыты (*złączyć*), вм. довольно — досыть (*dosyć*) и т. д.; число примѣровъ можно умножить до тысячъ. Исчерпавъ словарь польскій, проф. Грушевскій обращается къ словарямъ латинскому и французскому; отсюда у него: вм. почести — гоноры, вм. вождельніе — аспирація, вм. цвѣтъ — колѣръ, вм. крайность — экстраваганція, вм. заключеніе — конклюдія, вм. утонченный — вырафинованный, вм. блѣдный — анемичный (напримѣръ, „досыть анемичный характеръ“ = довольно блѣдный характеръ — политики Даніила Галицкаго), вм. тяготѣть — гравитоваты, вм. обсуждать — трактоваты, вм. послѣдовательно — консеквентно и проч.; не оставленъ безъ вниманія и словарь нѣмецкій; латинскія, французскія и нѣмецкія слова часто заимствуются не непосредственно, а черезъ языкъ

польскій; напр., вм. крыша — дахъ (нѣм. Dach, польск. dach), вм. краска — фарба (нѣм. Farbe, польск. farba). Примѣровъ тоже можно набрать сотни, если не тысячи. А вотъ, напримѣръ, цѣлая фраза изъ одной статьи проф. Грушевскаго. Обращаясь къ „украинцамъ“, онъ говоритъ, что имъ „потрибна тилькы діяльнисть, вытривалисть, поважанье до себе и до свого народу“ = *potrzebna tylko działalność, wytrwałość, poważanie do siebie i do swego narodu*. Во 2-хъ, изъ новаго „украинскаго“ языка тщательно вытравливается всякій русскій духъ и въ него вводятся синтаксисъ и стиль, возможно близкіе къ польскимъ; русскою въ этомъ уродливомъ языкѣ остается только этимологія (словопроизведеніе), да и послѣдняя умышленно затемняется принятіемъ, вмѣсто историческаго, фонетическаго правописанія, такъ называемой „кулишовки“, съ дополненіемъ ея нѣсколькими, вновь придуманными, буквами и значками.

Мѣтко писалъ когда-то о послѣдователяхъ „кулишовки“ одинъ изъ умнѣйшихъ русскихъ публицистовъ — Н. П. Гиляровъ-Платоновъ. „Кулишовка“, говоритъ онъ, — „есть умышленное, нарочитое отреченіе отъ родства съ современными соплемениками и съ умственной исторіей предковъ. Имъ (т. е. украинофиламъ) приходится начинать собою культуру своего народа. Бѣдные: тѣмъ самымъ они лишаютъ себя умственной будущности; они будутъ вѣчными недоносками. Это непокорные сыновья, отдѣлившіеся отъ родовой богатой семьи и начавшіе самостоятельную жизнь безъ капитала. Имъ не на что избу выстроить. Для самыхъ ходячихъ понятій, относящихся къ умственной жизни человѣчества, у нихъ

нѣтъ выраженія; они вынуждены сочинять; должны заимствовать, выковыривать новые неслыханные термины, которые, по вѣшнему виду, какъ будто родные, но еще болѣе непонятны малороссу, чѣмъ обыкновенное русское, по-ихнему москальское слово; потому что это москальское слово, или даже только по-москальски написанное, уже ведетъ за собою цѣлый міръ воспоминаній, обнимающихъ и современное, и древнее челоуѣчество, и разомъ, однимъ начертаніемъ нѣсколькихъ линий, уместенно причащающее къ общечеловѣческой культурѣ. *Писменной сепаратизмъ въ азбукѣ, — замѣтите, даже въ азбукѣ, не только въ языкѣ, — есть племенное уместенное самоумерщвление.* Но такова праведная кара, постигающая всякую заносчивость. Сила — въ единствѣ и въ общеніи; въ общеніи единственно возможны жизнь и развитіе. Нужно это помнить и поставить потому за правило въ употребленіи языка вообще чтить родителей, тѣмъ болѣе, что каждый изъ насъ лично есть только наслѣдникъ и соучастникъ въ общемъ языкѣ. А тѣмъ болѣе *должно справляться съ родствомъ въ письменномъ употребленіи языка.* Если языкъ во всемъ составѣ вообще не намъ принадлежитъ, а мы ему, то еще менѣе принадлежитъ намъ языкъ письменный, и даже не только языкъ, но каждое отдѣльное реченіе. Живое слово еще наше, пока произносится, но съ того момента, какъ заключилось въ букву, оно перестаетъ быть нашимъ и чьимъ-либо. Оно — самостоятельное существо, хотя вышедшее изъ нашихъ устъ и нашей души. Оно въ насъ болѣе не нуждается: не нашъ голосъ и интонація, не нашъ почеркъ даютъ ему сущность, а отношеніе его къ языку во-

обще, къ словарному составу языка, къ его грамматическимъ законамъ, къ его исторіи: она его душа и жизнь“.

Одновременно съ изготовленіемъ языка проф. Грушевскій занялся перестройкой существовавшего во Львовѣ съ 1873 г., какъ мы упоминали раньше, ученаго Общества имени Шевченка, „головой“ (предсѣдателемъ) котораго въ 1898 г. онъ былъ избранъ, — придавъ ему подобіе Академіи наукъ съ тремя отдѣленіями: историко-философскимъ, филологическимъ и естественно-медицинскимъ. На вновь выкованномъ языкѣ быть предпринять цѣлый рядъ изданій Общества: начали выходить его „Записки“, „Этнографическій Сборникъ“, „Источники украинской исторіи“, „Памятники украинскаго языка и литературы“, „Юридическая и экономическая лѣтопись“ (заглавія переводимъ), наконецъ, съ конца 1897 г., первый „украинскій“ толстый журналъ „Литературно-науковий Вистныкъ“. На томъ же „украинскомъ“ языкѣ проф. Грушевскій написалъ многотомную пространную исторію Украины: въ сокращенномъ видѣ она издана была по-русски подъ заглавіемъ: „Очеркъ исторіи украинскаго народа“; за послѣднюю книгу проф. Грушевскій получилъ отъ С.-Петербургской Императорской Академіи наукъ награду графа Уварова.

Наконецъ, проф. Грушевскій взялся привести въ порядокъ политическую жизнь украинофильскаго лагеря въ Галиціи. Въ началѣ 1900 г. ему удалось различныя теченія галицкаго украинофильства слить въ одну національно-демократическую партію съ ея кличемъ: „Украина безъ хлопа и пана“. Въ этой партіи остались только

крайніе радикалы подъ предводительствомъ адвоката изъ Коломыи Кирилла Трылѣвскаго, которыхъ основной идеей является: „Украина безъ хлопа, попа и пана“; да такъ называемые Барвинчуковцы (сторонники Александра Барвинскаго) съ кличемъ: „Украина на католическихъ началахъ и въ связи съ Западомъ“. Виднымъ и энергичнымъ дѣятелемъ послѣдняго направленія является и галицкій униатскій митрополитъ Андрей графъ Шенцицкій, занявшій кафедру въ 1901 г. Украинская національно-демократическая партія является въ настоящее время наиболѣе сплоченной и сильной партіей въ Галиціи. На выборахъ 1907 г. ея кандидаты собрали 267,617 голосовъ, между тѣмъ, какъ кандидаты радикаловъ получили — 79,648, а „москвофиловъ“ — 170, 883. По своимъ политическимъ стремленіямъ она почти совпадаетъ съ нашей конституціонно-демократической партіей (съ „кадетами“ или „кадэками“). На ея знамени написано: слияніе „украинскихъ“ областей Австріи въ одно автономное политическое тѣло; демократизація правительственныхъ учреждений; отчужденіе частно-владѣльческихъ земель въ пользу малоземельныхъ и безземельныхъ крестьянъ; прогрессивный подоходный налогъ съ освобожденіемъ отъ него *minimum'a existantiae*; сокращеніе срока военной службы и вообще борьба съ милитаризмомъ; всеобщее бесплатное обученіе; открытіе во Львовѣ „украинскаго“ университета; выборъ священниковъ прихожанами и т. д. Органомъ ея служить газета „Діло“. Проф. Грушевскій, наладивши дѣятельность партіи, самъ впоследствии отошелъ въ сторону отъ партійной политики. Вождемъ партіи является въ настоящее время

членъ Вѣнскаго парламента Константинъ Левицкій.

Послѣ указа 17 октября 1905 г. проф. Грушевскій началъ раздѣлять свою дѣятельность между Львовомъ и Кіевомъ. Въ Кіевѣ онъ основалъ, по примѣру Шевченковскаго львовскаго, Украинское ученое Общество, въ которомъ, какъ и во львовскомъ, состоитъ „головою“ (предсѣдателемъ). Общество издастъ свои „Записки“ подъ редакціей Комитета, въ составъ котораго, кромѣ проф. Грушевскаго, входятъ теперь проф. Перетцъ и г. Михальчукъ. Въ Кіевѣ выходитъ съ 1907 г. второе изданіе „Литературно-научоваго Вистныка“, параллельное львовскому изданію. По мысли проф. Грушевскаго, дѣйствуютъ въ Кіевѣ и нѣкоторыя иныя „украинскія“ учрежденія, какъ, напримѣръ, „Украинскій клубъ“, книжный магазинъ („кныгарня“) „Литературно-научоваго Вистныка“.

Проф. Грушевскій сумѣлъ создать себѣ небывалое еще доселѣ международное положеніе, ставъ какъ бы выше подданства Россіи или Австріи. Вездѣ онъ является представителемъ изобрѣтеннаго имъ „украинскаго“ народа и вездѣ заставляетъ себя слушать. Особенно охотно слѣдуетъ его внушеніямъ Императорская Академія Наукъ въ Петербургѣ. Правительству русскому онъ, какъ договаривающаяся сторона, предъявляетъ прямо требованія, Вотъ какъ они изложены въ одной изъ его статей („Наши требованія“):

„Вѣрные завѣтамъ украинскаго освободительнаго движенія, выдвинувшаго федеративный принципъ, какъ основаніе будущаго устроенія отношеній политическихъ и національныхъ, и неизмѣнно проводившаго его, начиная съ т. п. Кирилъ-

ло-Меодіевскаго братства, мы признаемъ федеративныя формы наиболѣе совершеннымъ способомъ сочетанія государственнаго союза съ интересами свободного и нестѣсненнаго развитія національной жизни, но въ настоящемъ настаиваемъ на осуществленіи принципа *національно-территоріальной автономіи*, какъ одного изъ основаній новаго государственнаго устройства. Сообразно этому территорія съ преобладающимъ украинскимъ населеніемъ должна быть выдѣлена изъ нынѣшнихъ административныхъ подраздѣленій и наряду съ преобразованиемъ органовъ мѣстнаго самоуправления на широкихъ демократическихъ началахъ должна получить общіе органы областного законодательства и самоуправления, руководимые народнымъ представительствомъ *въ видѣ украинскаго сейма, избираемаго всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ*. Такъ какъ установленіе границъ, возможно точно совпадающихъ съ національнымъ составомъ населенія, должно потребовать нѣкотораго времени, то общеимперскій законъ, реформирующій организацію мѣстнаго самоуправления, чтобы не тормозить деталями рѣшенія этого вопроса, можетъ ограничиться принципиальнымъ постановленіемъ объ измѣненіи границъ существующихъ административныхъ подраздѣленій сообразно этнографическому составу населенія (а внутри этнографической территоріи сообразно экономическимъ условіямъ и удобствамъ сообщенія), и срока, когда должно войти въ силу новое административное дѣленіе.

Организація областного украинскаго сейма и связанныхъ съ нимъ органовъ управленія и контроля съ широкими полномочіями въ мѣстномъ

законодательствѣ, въ распоряженіи мѣстными финансами и областнымъ земельнымъ фондомъ, въ мѣстномъ управленіи, въ организаціи просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, общественной безопасности и средствъ экономическаго развитія, — по аналогіи другихъ наиболѣе крупныхъ автономныхъ организацій Россіи, должна постѣдовать одновременно съ ними, и по аналогіи съ ними должны быть опредѣлены предѣлы полномочій областного сейма и его органовъ, съ одной стороны, и центральнаго парламента и общеимперскихъ министерствъ — съ другой. Предоставивъ центральнымъ органамъ нормированіе общихъ основаній государственнаго и общественнаго строя, распоряженіе средствами, необходимыми для содержанія органовъ центрального и общеимперскаго провинціального управленія (а также и въ тѣхъ отрасляхъ, которыя въ интересахъ государственнаго союза и лучшей своей организаціи останутся въ вѣдѣніи общеимперскихъ министерствъ), равно какъ и управленіе въ этихъ сферахъ, — общеимперская конституція должна оставить органамъ мѣстнымъ широкую область устройства и нормированія мѣстныхъ отношеній, съ правомъ законодательной и всякой иной инициативы по отношенію къ органамъ центральнымъ, должна обезпечить такой порядокъ, при которомъ экономическія средства края, за исключеніемъ справедливаго участія въ общегосударственныхъ издержкахъ, обращались бы на удовлетвореніе потребностей мѣстной культурной и экономической жизни, и освободить теченіе и развитіе мѣстной жизни отъ давленія централизма.

Спеціальными законами *должна быть устранена всякая централизація и въ области церков-*

наго управленія, а также искусственная перетасовка этнографическихъ элементовъ въ арміи, и, созданы такія условія, чтобы отбываніе военной службы происходило какъ можно ближе къ родинѣ или постоянному мѣстопробыванію солдатъ, а не въ далекихъ краяхъ, въ совершенно чуждыхъ климатическихъ и бытовыхъ условіяхъ.

Особыми общеимперскими законами должны быть установлены права, которыми пользуются языки и нарѣчія не государственныя въ учрежденіяхъ, находящихся въ вѣдѣніи общеимперскихъ министерствъ, а также обезпечены права національностей, находящихся на извѣстной территоріи въ меньшинствѣ, по отношенію къ учрежденіямъ общимъ и мѣстнымъ, и указаны нормы, гарантирующія имъ возможность нестѣсняемаго существованія и осуществленія своихъ національных и культурныхъ запросовъ. Въ первую очередь въ разрѣшеніи этого вопроса *должно быть поставлено введеніе народныхъ языковъ, въ томъ числѣ и украинскаго среди украинскаго населенія, въ народную школу, какъ языка преподаванія, а въ школу среднюю и высшую украинскіхъ дисциплинъ, какъ предметовъ преподаванія.* Также принятіе мѣръ къ тому, чтобы не было недостатка въ учителяхъ народныхъ школъ, которые могли бы вести преподаваніе на украинскомъ языкѣ, а въ различныхъ учрежденіяхъ украинской территоріи—въ чиновникахъ, владѣющихъ этимъ языкомъ для сношенія на немъ съ мѣстнымъ населеніемъ. Далѣе—*признаніе всѣхъ правъ украинскаго языка, съ сохраненіемъ за русскимъ значенія языка общегосударственнаго, и скорѣйшее проведеніе его, по мѣрѣ устраненія чисто-техническихъ трудностей, въ практику ор-*

геновъ мѣстнаго управленія и всякаго рода учрежденій, остающихся въ вѣдѣніи органовъ центральнаго правительства. Наконецъ, устраненіе всякихъ ограниченій, стѣсняющихъ пользованіе своимъ роднымъ языкомъ, во всѣхъ сферахъ культурной и общественной жизни“.

Не знаемъ, чему болѣе тутъ удивляться: диктаторскому самомнѣнію или революціонной наивности проф. Грушевскаго?

Слѣдовало бы еще подвести васъ къ зловонному болоту новѣйшей „украинской“ такъ называемой изящной словесности, познакомить васъ съ произведеніями разныхъ Франковъ и Маковеевъ, Кобринскихъ и Кобылянскихъ, Винниченковъ и Карманскихъ, Козловскихъ и Крымскихъ, Лесь и Олесея, Пачовскихъ и Капельгородскихъ, Онацкихъ и Чернявскихъ; но, къ сожалѣнію, время на исходѣ. Скажу одно: испаренія сатанинской злобы, ненависти и отчаянія, поднимающіяся отъ никому ненужныхъ писаній господъ и госпожъ, какъ бы выползшихъ изъ какихъ то подполій ада, прямо душатъ свѣжаго человѣка. Не скрываются ли подъ нѣкоторыми „украинскими“ псевдонимами злобные сыны Іуды? Нравственная грязь писаній, напр., Вишниченка и Крымскаго также переходитъ всякіе обычные предѣлы.

Украинофилы сдѣлали всѣ возможные шаги, чтобы познакомить со своими взглядами, ученіями и политическими требованіями германскую читающую публику и расположить въ свою пользу германское общественное мнѣніе. Пространная исторія Украины проф. Грушевскаго была переведена на нѣмецкій языкъ („Geschichte des ukrainischen Volkes“); въ серьезныя нѣмецкія энциклопедиче-

скія изданія (напримѣръ, „*Russen über Russland*“ и словари доставлялись статьи, изложенныя въ украинофильскомъ духѣ; въ нѣмецкихъ журналахъ и газетахъ стали появляться замѣтки о дѣятельности Общества имени Шевченка, украинскихъ партій и общественныхъ учреждений; наконецъ, въ Вѣнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ началъ выходить на нѣмецкомъ языкѣ особый, впрочемъ, довольно тощенькій, ежемѣсячный журнальчикъ „Украинское Обозрѣнiе“ („*Ukrainische Rundschau*“) посвященный исключительно задачамъ разъясненiя нѣмцамъ, что „украинцы“ — не русскiе, что они враждебны единой, могущественной и сильной Россiи, на которую смотрятъ, какъ на „тюрьму народовъ“, что ихъ мечта — Соединенные Штаты Восточной Европы, что они массами отступили отъ Православной Церкви, что среди нихъ, подъ названiемъ интунды, сильно распространено протестантство, что по складу ума, склоннаго къ рационализму въ религiи, они духовно-родственны германцамъ, что у нихъ есть одинъ общiй съ протестантской Германiей врагъ въ лицѣ католической Польши, что, наконецъ, они могутъ быть союзниками германцевъ при рѣшенiи нѣкоторыхъ вопросовъ восточно-европейской политики. На обложкѣ каждаго нумера „Украинскаго Обозрѣнiя“ печатается карта „Украины“ отъ Астрахани и Саратова до Кракова и Люблина, чтобы нѣмцы наглядно уразумѣли, какую будущность сулить имъ возможность распространить свое политическое, экономическое и культурное влiянiе на столь обширныя и богатыя области южной и западной Россiи. Такъ какъ украинофиламъ не могло быть неизвѣстнымъ стремленiе нѣмцевъ на Востокъ („*Drang*

nach Osten“); выразившееся въ густой колонизаціи нѣкоторыхъ мѣстностей запада и юга Россіи, а въ особенности Волынской губерніи. то выходитъ, что они, навязываясь въ дружбу къ нѣмцамъ, какъ бы вызываютъ послѣднихъ на разработку плановъ хотя бы, на первый случай, мирнаго завоеванія „Украины“ и, такимъ образомъ, предають интересы родины. Въ результатъ всѣхъ украинофильскихъ стараній получилось, что не только германское общественное мнѣніе, но и германское правительство — обратили свое вниманіе на „украинцевъ“, стали называть ихъ „нѣмецкими друзьями“ („deutschfreundlichen“) и поняли, что они своими агитаторскими способностями могутъ быть полезны политикѣ германскаго народа. Въ послѣднее время появились разоблаченія, будто германское правительство изъ секретныхъ фондовъ оплачиваетъ дѣятельныхъ „украинскихъ“ агитаторовъ и субсидируетъ, воспопобляетъ нѣкоторыя „украинскія“ учрежденія и изданія. Напримѣръ, „Украинское Обозрѣніе“ („Ukrainische Rundschau“) получило будто бы въ 1907 г. — 5.400 марокъ, а въ 1909 г. — 12.000 марокъ; газета „Діло“ получила будто бы въ 1907 г. — 3.450 марокъ, въ 1908 г. — 2.600 марокъ; на 1910 г. было назначено будто бы на субсидированіе „украинской“ печати — 15.000 марокъ; въ 1908 году было выдано будто бы вспомошествованій: Обществу имени Шевченка 600 марокъ, Украинскому студенческому союзу и Украинской Львовской читальнѣ также по 600 марокъ. Упомянулось въ этихъ разоблаченіяхъ и о вспомошествованіяхъ, раздаваемыхъ въ Кіевѣ.

Австрійское правительство поддерживаетъ украинофиловъ, держась своего обычнаго правила

„раздѣляй и властвуй“ („divide et impera“). Оно боится, что галицкіе русскіе, принявъ русскій государственный языкъ въ качествѣ языка литературы, науки и вообще высшей образованности, будутъ стремиться къ политическому соединенію съ Россіей, а потому содѣйствуетъ, сколько можетъ, всѣмъ украинофильскимъ затѣямъ, узаконило „украинскій“ языкъ проф. Грушевскаго и К^о, съ фонетическимъ правописаніемъ, въ школѣ, администраціи и судѣ, открыло во Львовскомъ университетѣ нѣсколько „украинскихъ“ кафедръ. Привыкшій властвовать надъ самыми разноплеменными народами, Габсбургскій домъ, въ особенности въ лицѣ нынѣшняго наследника престола эрцгерцога Франца-Фердинанда, не прочь создать новое Кіевское королевство подъ властью одного изъ австрійскихъ эрц-герцоговъ и подъ протекторатомъ Австріи. Услужливые поляки подсказываютъ и имя будущаго короля Кіевского: это — молодой князь Гогенбергъ, внукъ Франца-Иосифа, сынъ будущаго императора, устранимый отъ трона Австро-Венгрии, но приращенный яко-бы претендентъ на какой либо новый тронъ въ Европѣ.

Поляки, въ данную минуту, враждебно относятся къ проф. Грушевскому и къ созданной имъ въ Галиціи національно-демократической политической партіи. И немудрено: и проф. Грушевскій, и созданная имъ партія — ведутъ непримиримую борьбу съ поляками за власть надъ восточной Галиціей, за Львовскій университетъ; проповѣдая отчужденіе частно-владѣльческой земли въ пользу крестьянъ, стремятся уничтожить сословіе польскихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, играющихъ въ Австріи видную политическую роль; наконецъ,

внушая своимъ послѣдователямъ безразличіе къ религіи или даже атеизмъ, настраиваютъ галицкихъ уніатовъ противъ римскаго папы, который считается другомъ-пріятелемъ поляковъ. Но вообще украинофильство, какъ движеніе, текущее изъ польскихъ источниковъ и глубоко враждебное ненавистной полякамъ Россіи, пользуется неизмѣнной и горячей поддержкой поляковъ. Извѣстенъ фактъ, что, напримѣръ, „украинская“ газета въ Могилевѣ на Днѣстрѣ „Свитова Зирница“ издавалась всецѣло на польскія деньги. Въ особенности много надеждъ возлагается поляками на выкованный проф. Грушевскимъ и К^о языкъ. Въ сущности проф. Грушевскій, какъ мы видѣли раньше, пишетъ по-польски, лишь приспособляя польскіе звуки къ малороссійскому выговору. Поляки надѣются, что современемъ, подѣ вліяніемъ идеи о превосходствѣ западно-римской культуры передъ восточно-византійской, кириллица (точнѣе „гражданка“) въ „украинскомъ“ языкѣ уступить мѣсто латиницѣ и, такимъ образомъ, „украинскій“ языкъ войдетъ въ русло языка польскаго, занявъ мѣсто его областного нарѣчія. Съ этимъ связывается и возможность воскрешенія Ягеллонской идеи, хотя бы подѣ скипетромъ Габсбурговъ, родственныхъ Ягеллонамъ по бракамъ старыхъ польскихъ королей династіи Ягелла съ австрійскими эрц-герцогинями. Мечты поляковъ летятъ иногда и далѣе—къ покоренію поляками Россіи, какъ это было въ 1612 г., и къ гегемоніи поляковъ въ славянствѣ, какъ „народа господъ“, по нѣмецкому выраженію („Herrenvolk“). Этимъ мечтамъ въ послѣднее время дали новую пищу: повѣсть, полу-беллетристическаго, полу-ученаго характера, из-

вѣстнаго польскаго писателя Адама Шиманскаго, подъ заглавіемъ: „Аксинья—разсказъ изъ жизни московской Лехіи“, — и изслѣдованія академика А. А. Шахматова въ сентябрьскомъ выпускѣ журнала „Славянство“ о доисторическомъ разселеніи польскихъ и русскихъ племенъ. Есть въ лѣтописяхъ сказаніе, что въ „Ляхахъ“ жили два брата: Радимъ и Вятко; что они ушли съ родины и поселились: Радимъ — на р. Сожѣ, а Вятко — на р. Окѣ; что отъ нихъ пошли древне-русскія племена Радимичей и Вятичей. Шиманскій, наблюдавшій народную жизнь на границахъ губерній Калужской, Орловской и Тульской, приходитъ къ заключенію, что въ бытѣ населенія этихъ губерній, называющаго себя „полѣхами“, сохранилось много исконныхъ польскихъ чертъ, и что напрасно причисляютъ его къ великорусскому племени. „Вотъ ужъ семь вѣковъ спитъ вся московская Лехія; спитъ тихое земледѣльческое племя славнаго ляхскаго рода. Спитъ ли оно тѣмъ богатырскимъ сномъ, отъ котораго со временемъ волею Божіею пробудится и, какъ его легендарные страшные и грозные вонтели, удивить свѣтъ своими подвигами, или заснуло уже на вѣки? Это можетъ знать только Богъ“. Академикъ А. А. Шахматовъ утверждаетъ, что въ VII—VIII в. вся нынѣшняя средняя Россія была колонизована польскими племенами, которыя поселились въ верхнемъ бассейнѣ Днѣпра, въ верховьяхъ Волги и Оки, между тѣмъ, какъ русскія племена осѣлись на юго-западѣ, въ Поднѣпровіи, отчасти на юго-востокѣ около Азовскаго моря; позднѣе русскія племена двинулись на сѣверъ, отбросили поляковъ на востокъ къ среднему теченію Волги и Оки, а сами протяну-

лись въ мѣстности по р.р. Западной Двинѣ и Ловати; потому-то въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ замѣчаются нѣкоторыя польскія языковыя особенности. Характерно, что академикъ А. А. Шахматовъ, зарегистрированный въ своей партіи „кадэкъ“ („кадетъ“), выступаетъ съ этой сомнительной теоріей въ моментъ наиболѣе напряженныхъ отношеній между поляками и русскими изъ-за холмскаго вопроса.

Воинствующее революціонное еврейство безусловно поддерживаетъ украинофиловъ. Во 1-хъ, корифеи украинофильства М. П. Драгомановъ и М. С. Грушевскій (статья „Конецъ гетто!“) всегда высказывались за еврейское равноправіе. Во 2-хъ, евреи—проводники и сторонники какъ разъ тѣхъ самыхъ политическихъ переворотовъ, къ которымъ стремятся украинофилы. Какъ же имъ не идти вмѣстѣ?

Вотъ бѣглый и краткій отвѣтъ на тѣ вопросы, которые были поставлены въ заглавіи доклада; не знаю, удалось ли мнѣ, имѣя въ распоряженіи лишь ограниченное время, достаточно ясно представить происхожденіе и сущность украинофильства. Это ученіе совершенно чуждо русской почвѣ; оно развилось во второй половинѣ XIX вѣка, въ самую печальную эпоху упадка русской національной идеи. Первоначально зародившись въ уманскомъ кружкѣ польской молодежи, оно было воспринято русскими людьми, плохо знакомыми съ исторіей своего народа, и, подъ вліяніемъ новомодныхъ революціонно-политическихъ воззрѣній и польскихъ воздѣйствій, развилось въ цѣлую политическую систему, которая грозитъ намъ большими непріятностями и даже опасностями, осо-

бенно потому, что наше русское національное сознание слабо развито и не даетъ „украинскому“ движенію такого сильнаго, мощнаго отпора, какого оно заслуживаетъ. Украинифилы готовятъ затѣваемый ими политическій переворотъ „не на розовой водѣ и сахарѣ“, по выраженію одного писателя, а намѣреваются предложить его Россіи „путемъ желѣза, огня, крови и рыданій“. Съ этимъ нужно считаться!
